

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1143–1197
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 5, no. 4 (2021): 1143–97

Научная статья
УДК 343.815
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-3>

Вологодские исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (1918–1920-е гг.)

Надежда Алексеевна Белова

Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Вологда, Россия,
nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Nadezhda A. Belova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia,
nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Аннотация. В статье на основе анализа архивных документов и научной литературы рассматриваются вопросы, связанные с созданием и особенностями функционирования различных видов исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей (школы-приюта и испытательно-наблюдательного пункта для морально-дефективных детей, приемника, распределителя, детского дома и детской колонии для трудновоспитуемых и др.), действовавших на территории Вологодской губернии в начальный период советской эпохи. Уточнены данные о местонахождении этих заведений, специфике управления ими, а также численности, составе и условиях пребывания содержащихся там воспитанников. При характеристике деятельности данных учреждений наряду с положительным опытом отражены проблемы, сложности и недостатки в их работе, уделено внимание мерам, предпринимавшимся по устранению последних. Автор приходит к выводу о том, что история вологодских детских исправительных учреждений в 1918–1920-е гг. является отражением реализуемой на региональном уровне общегосударственной политики большевиков, направленной на борьбу с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних, выработку действенных мер искоренения и профилактики этих негативных явлений, а также поиски оптимальной модели учреждения для исправления трудновоспитуемых подростков.

Ключевые слова: история пенитенциарной системы России, Вологодская губерния, беспризорность, безнадзорность, несовершеннолетние правонарушители, преступность несовершеннолетних, детские исправительные заведения

© Белова Н.А., 2021

© Belova N., 2021

Для цитирования: Белова Н.А. Вологодские исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (1918–1920-е гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1143–1197. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-3>

Vologda reformatories for juvenile delinquents (1918 – the 1920s)

Abstract. Based on the analysis of archival documents and scientific literature, the article discusses issues related to the formation and functioning of various types of reformatories for juvenile delinquents (school and shelter, probation and supervision station for morally defective children, reception center, children’s home, juvenile colony for difficult children, et al.) that operated in the territory of Vologda Governorate during the initial period of the Soviet era. The data on the location of these institutions, specific features of their management, and the number, composition and confinement conditions of the inmates were clarified. When characterizing the activities of these institutions, along with positive experience, the problems, difficulties and shortcomings in their work were considered and attention was paid to the measures taken to eliminate the latter. The author came to the conclusion that the history of the Vologda juvenile reformatories in 1918 – the 1920s was a reflection of the national policy of the Bolsheviks implemented at the regional level that was aimed at combating homelessness, neglect, and juvenile delinquency, at developing effective measures to eradicate and prevent these negative phenomena, and at searching for an optimal model of an institution for correcting difficult teenagers.

Key words: history of Russian penitentiary system, Vologda Governorate, homelessness, neglect, juvenile delinquents, juvenile delinquency, juvenile reformatories

For citation: Belova, N. “Vologda reformatories for juvenile delinquents (1918 – the 1920s),” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 4 (2021): 1143–97, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-4-3>

Введение

Преступность несовершеннолетних, которая традиционно считается одной из наиболее важных и острых социальных проблем, остается таковой и в условиях современной российской реальности. Для повышения эффективности мер профилактики и борьбы с этим негативным многофакторным явлением, выступающим также и в качестве показателя неблагополучия в различных сферах жизни общества, представляется весьма актуальным обращение к историческому опыту. Особое значение принадлежит переосмыслению практики создания и деятельности в первые годы советской власти учреждений для исправления трудновоспитуемых несовершеннолетних из числа реальных и потенциальных правонарушителей, попыткам извлечения из прошлого информации, полезной как для минимизации социальных последствий

подростковой преступности, так и решения проблем, возникающих в деятельности воспитательных колоний на современном этапе.

В отечественной историографии рассматриваемая в статье проблематика затрагивалась преимущественно в контексте изучения истории борьбы с детской безнадзорностью, беспризорностью и преступностью в стране. Наиболее активно эта тема изучалась в 1920-е годы, в период разработки Советским государством новой социальной политики. Актуальные для тех лет вопросы борьбы с детской беспризорностью и преступностью среди несовершеннолетних открыто обсуждались на съездах по охране детства, участниками которых были партийные и государственные деятели, педагоги, правоведы и прочие лица, непосредственно занимавшиеся исправлением и перевоспитанием детей и подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации¹.

Публикации теоретического характера базировались на данных, собранных в основном их авторами, и являлись, по сути, реакцией на мероприятия, проводимые на практике для решения проблем детской беспризорности. Среди работ, посвященных изучению этой тематики, следует назвать труды С.В. Познышева, М.С. Богуславского, А.Д. Калининой и др.² Непосредственно вопросы борьбы с преступностью малолетних получили отражение в работах П.И. Люблинского, В.И. Куфаева, Н.П. Гришакова, Б.А. Плюснина и пр.³

Характеристика первичных учреждений социально-правовой охраны несовершеннолетних (приемников и наблюдательно-распределительных

¹ Первый Всероссийский съезд по охране детства 2–8 февраля 1919 г. Москва: НКСО, 1920; Детская дефективность, преступность и беспризорность: по материалам I съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью, преступностью и беспризорностью. Москва: Госиздат, 1922; Материалы ко второму Всероссийскому съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов 26 ноября 1924 г. Москва: [б. и.], 1924; Детская беспризорность и детский дом: сборник статей и материалов II Всерос. съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков. Москва: Отдел СПОН, 1926.

² *Познышев С.В.* Детская беспризорность и меры борьбы с ней. Москва: Новая Москва, 1926; *Богуславский М.С.* Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная новь. 1927. № 8. С. 139–162; *Богуславский М.С.* Дети улицы. Москва; Ленинград: Госиздат, 1927; *Калинина А.Д.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1928; и др.

³ *Люблинский П.И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-правовые очерки). Москва: Юрид. издательство Наркомюста, 1923; *Куфаев В.И.* Борьба с правонарушениями несовершеннолетних. Москва: Новая Москва, 1924; *Куфаев В.И.* Юные правонарушители. Москва: Новая Москва, 1924; *Гришаков Н.П.* Детская преступность и борьба с нею путем воспитания. Орел: Госиздат, 1923; *Плюснин Б.А.* Правонарушения несовершеннолетних и их причины // Народное просвещение. 1924. № 9–10. С. 50–53.

пунктов), действовавших в рассматриваемый период, дана Е.И. Агриковой⁴. Первой серьезной попыткой освещения жизни беспризорников-правонарушителей в специализированных заведениях 1920-х гг. стал сборник статей и материалов «Беспризорные в трудовых коммунах» (1924), в котором обобщалась практика работы с трудновоспитуемыми подростками⁵. Специфика организации и деятельности трудовых домов как особых учреждений для содержания юных правонарушителей той эпохи показана Б.С. Утевским на примере Московского трудового дома⁶.

В период 1930–1950-х гг. исследование опыта первых лет советской власти в деле борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних, а также по созданию учреждений для их исправления, было практически свернуто.

Среди работ 60–80-х гг. XX века, затрагивающих данную тематику, следует отметить труды Ю.В. Гербеева, Г.Г. Герасимова, Т.Д. Кривенко, А.Н. Хмырова и др.⁷, в которых, несмотря на сохранявшуюся идеологизированность, более объективно и основательно описывались общие тенденции в ликвидации массовой детской беспризорности и борьбе с преступностью несовершеннолетних, а также вводились в научный оборот новые архивные документы.

⁴ Агрикова Е.И. Первичные учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних // *Детская беспризорность: (предупреждение и борьба с ней): сборник статей*. Москва: Красная новь, 1923. С. 36–42.

⁵ *Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми: сборник статей и материалов / под редакцией В.Л. Швейцер, С.М. Шабалова*. Москва: Главсоцвос; Наркомпрос, 1925.

⁶ Утевский Б.С. В борьбе с детской преступностью. Очерки жизни и быта Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей. Москва: Издательство НКВД РСФСР, 1927.

⁷ Гербеев Ю.В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (историко-педагогическое исследование): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1969; Кривенко Т.Д. Специальные воспитательные учреждения и их роль в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1970; Герасимова Г.Г. Борьба Коммунистической партии и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) (На материалах Московской и Ленинградской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, 1971; Хмыров А.Н. Охрана детства и профилактика беспризорности в Петрограде в 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1980; и др.

Подъем интереса к изучению проблем борьбы с детской беспризорностью и преступностью периода становления советской государственности начинается в 1990-е гг., в период обострения в стране этих негативных социальных явлений. Одними из первых к их научной разработке в контексте исторических процессов в развитии общества обратились А.Ю. Рожков и Н.В. Рябинина⁸.

Весомый вклад в изучение данной проблематики внесли труды А.А. Славко, отличающиеся глубиной и четкостью анализа ее различных аспектов в общегосударственном масштабе⁹. В работах Т.М. Смирновой значительное внимание уделено условиям содержания детей в закрытых детских учреждениях 1920-х гг.¹⁰

Для конца XX – начала XXI в. характерно появление целого ряда диссертационных исследований по вопросам борьбы с детской беспризорностью и преступностью в 1917–1920-х гг. на региональном уровне (М.И. Гедько, И.С. Сажинной, А.А. Жарковой, О.Б. Масловой, Е.А. Бендер и др.)¹¹.

⁸ Рожков А.Ю. Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–76; Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134–139; Рябинина Н.В. Морально дефективные – кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший: сборник. Ярославль: ЯрГУ, 1999. С. 56–65; Рябинина Н.В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам губерний Верхнего Поволжья). Ярославль: ЯрГУ, 1999; и др.

⁹ Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти. Москва: ИНИОН РАН, 2005; Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самарский государственный университет, 2011; и др.

¹⁰ Смирнова Т.М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 16–38; Смирнова Т.М. Дети страны советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

¹¹ Гедько М.И. Государственная социальная политика в отношении детей: опыт и уроки 1920-х гг. (на материалах Москвы и Московской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный социальный университет, 1998; Сажина И.С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг.: На материалах Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2003; Жаркова А.А. Исторический опыт борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке России: 20-е – 30-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Дальневосточный государственный гуманитарный университет, 2006; Маслова О.Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы (на материалах Ставрополя и Терека): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорский государственный технологический университет, 2010; Бендер Е.А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и

Сюжеты, связанные с учреждениями для трудновоспитуемых подростков, действовавшими в разных регионах в постреволюционные годы, получили отражение в публикациях Н.С. Сычевой, О.М. Шиловой, А.С. Пундякова, З.У. Колокольниковой, Н.В. Подлесной, П.П. Щербинина, И.А. Шikuновой и др.¹²

Изучаемая в данной статье тематика рассматривалась и в зарубежной историографии. В 1920-е гг. на Западе были опубликованы работы представителей русской эмиграции (Б.Ф. Соколова, А.В. Маклецова, В.М. Зензинова, Е.Д. Кусковой и др.), в которых критике подвергались социальная политика большевиков и их меры борьбы с беспризорностью, детской преступностью, иными бедствиями детей¹³.

В 1978 г. в Германии была издана работа З. Вейца о детской беспризорности и преступности в СССР, основанная на опубликованных советских материалах, в которой выделен ряд этапов борьбы с этими негативными социальными явлениями в 1920–1930-е гг.¹⁴

Ленинградской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2015; и др.

¹² *Сычева Н.С.* Становление и функционирование основных типов учебно-воспитательных учреждений для беспризорных детей и подростков в 1920-е годы (архивные материалы Дона) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 59–66; *Шилова О.М., Пундяков А.С.* Региональные условия развития практики социально-педагогического обеспечения детей в 20-е годы XX века в Вологодской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15, № 1. С. 259–262; *Пундяков А.С.* Социально-педагогическая защита детей-сирот и беспризорников на Вологодчине в 1920–1930-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: История и археология. 2011. Т. 1, № 2. С. 128–131; *Колокольникова З.У., Подлесная Н.В.* Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1–1. С. 136–140; *Щербинин П.П., Шikuнова И.А.* «Ты дефективный или аморальный?». Проблемы селекции и социализации «морально-дефективных» детей в 20-е гг. XX века в советской России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 181. С. 173–184; и др.

¹³ *Соколов Б.Ф.* Спасите детей!: (о детях Советской России). Прага: Воля России, 1921; *Маклецов А.В.* Борьба с детской беспризорностью в СССР. Прага: [б. и.], 1927; *Зензинов В.М.* Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929; *Кускова Е.Д.* Беспризорная Русь // Современные записки. 1929. № 38. С. 527–538; и др.

¹⁴ *Weitz S.* Verwahrlosung, Delinquenz und Resozialisierung minderjähriger in der Sowjetunion: Zur Geschichte eines sozialpäd. Problems, dargestellt am Beispiel der Russ. Sowjetrep., 1917–1935. Marburg a. d. Lahn: Verlags- und Vertriebsgemeinschaft, 1978.

В конце XX – начале XXI в. вопросы борьбы с беспризорностью и безнадзорностью в первое десятилетие существования Советского государства затрагивались такими американскими авторами, как А.М. Болл и К. Келли¹⁵.

Таким образом, исходя из степени изученности темы, следует отметить, что обобщающего исследования, посвященного исправительным учреждениям для несовершеннолетних правонарушителей на территории Вологодской губернии в первые годы советской власти, не существует. Целью настоящей статьи является отражение результатов комплексного изучения данного вопроса с привлечением новых архивных документов.

Источниковой базой публикации послужили опубликованные нормативно-правовые акты и неопубликованные документы Государственного архива Вологодской области, преимущественно извлеченные из фондов Отдела народного образования¹⁶ исполнительного комитета Вологодского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918–1929).

Основная часть

Сложившаяся в стране система благотворительности после Октябрьской революции 1917 г., как буржуазный пережиток, была разрушена. Организацию деятельности по преодолению беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних, традиционно возраставших в годы войн, революций и иных социальных потрясений, Советское государство взяло на себя. Декрет СНК РСФСР № 223 от 9 (22)¹⁷ января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» нормативно закрепил отказ большевиков от уголовного преследования малолетних. Рассмотрение дел лиц в возрасте до 17 лет, замеченных в общественно-опасных деяниях, и определение их дальнейшей судьбы поручалось создаваемым в ведении Наркомата общественного призрения комиссиям¹⁸.

На основании этого декрета 24 июля 1918 г. при Вологодском губернском отделе (губотделе) социального обеспечения была организована губернская комиссия о несовершеннолетних (Губкомонес). В дальнейшем по

¹⁵ *Ball Alan M.* And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1996; *Kelly C.* Children's world: growing up in Russia, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007.

¹⁶ Так отдел именовался в период с 7 марта 1921 г. по 15 июля 1929 г., со 2 мая 1918 г. по 7 марта 1921 г. он назывался отделом народного просвещения, с 25 марта по 2 мая 1918 г. – культурно-просветительным отделом.

¹⁷ Во многих публикациях ошибочно в качестве даты принятия документа указано 14 января – дата его опубликования в № 8 «Газеты временного рабочего и крестьянского правительства».

¹⁸ Декреты Советской власти: сборник: в 2 т. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 337–338.

распоряжениям центра она неоднократно передавалась от одного губернского органа в другой: 15 сентября 1918 г. перешла в подчинение губернского отдела народного просвещения, а спустя 2 месяца – губернского отдела здравоохранения, где и оставалась до 22 октября 1920 г.¹⁹

По инициативе и при деятельном участии Губкомонес в октябре 1918 г.²⁰ в г. Вологде (по адресу: ул. Краснофлотская²¹, д. 15) для морально-дефективных детей²² была открыта школа-приют²³. В материалах переписки губотдела здравоохранения об отпуске средств на содержание школы-приюта для морально-дефективных детей за первое полугодие 1919 г. это заведение именуется «приютом несовершеннолетних обвиняемых и дефективных детей» и «приютом-школой дефективных детей»²⁴, а в качестве его местоположения указано село Кувшиново под Вологдой²⁵. В частности, 13 марта 1919 г. школьно-санитарный подотдел губотдела здравоохранения обращался в финансовый отдел губисполкома с просьбой о выдаче аванса в сумме 5 тысяч рублей на расходы по содержанию данного учреждения²⁶.

Примечательно, что при обследовании учреждений социального обеспечения и детских приютов, проведенном в августе 1919 г. представителями профсоюзов, детское заведение в Кувшиново упоминается уже как детский дом № 1. Наиболее крупным недостатком в его работе было признано плохое питание детей. Отмечалось крайне неудовлетворительное осуществление регистрации призреваемых детей (относительно некоторых из них не имелось никаких сведений, кроме имени). Особое внимание

¹⁹ Отчет о деятельности Губернской комиссии о несовершеннолетних за 1918–1921 гг. // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 354. Л. 42.

²⁰ В Отчете о деятельности Губернской комиссии о несовершеннолетних за 1918–1921 гг. указана конкретная дата 4 октября, но само учреждение ошибочно названо испытательно-наблюдательным пунктом. См.: ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 354. Л. 42.

²¹ В настоящее время – Набережная VI Армии.

²² Данным термином, появившимся в 1910-х гг. в зарубежной и отечественной психолого-педагогической науке, в Советском государстве было заменено понятие «малолетний преступник». Им обозначалась широкая категория несовершеннолетних, к которой относились сироты и прочие педагогически запущенные лица с криминальными наклонностями и опытом.

²³ Бланк статистических сведений по первичным учреждениям СПОН на 01.07.1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

²⁴ Акт от 18.01.1919 г. № 150/58 // ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 145. Л. 1; Отношение от 13.03.1919 г. № 1163 // ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 145. Л. 6.

²⁵ Отношение от 13.03.1919 г. № 1163 // ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 145. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 6.

акцентировалось на «неблагоповедении» детей, поскольку кражи, табакокурение и сквернословие там были постоянными явлениями²⁷.

В акте санитарного осмотра учреждения для морально-дефективных детей г. Вологды, составленном членами особой рабочей комиссии 22 марта 1920 г., оно поименовано детским приютом дефективных детей, а адрес указан ул. Краснофлотская, д. 9²⁸. При проведении осмотра было выявлено много серьезных недочетов в работе заведения. Так, в комнате, где размещались девочки, были очень грязные пол и обои, во всех помещениях – на стенах «масса клопов», в углах – паутина, уборные загрязнены «до того, что совсем зайти нельзя», а в помещениях для служащих держали даже кур для «своей надобности». Также отсутствовали умывальники, не хватало белья, матрасов (мальчики спали по несколько человек на кровати). Кроме того, не было организовано никакого ухода за больными детьми. Некоторые питомцы жаловались на то, что их бьют, не отпускают в отпуск домой, а если и отпускают, то лишь за принесенный хлеб. В качестве положительного факта в работе учреждения комиссия отметила лишь то, что «пищу детям дают хорошую». Для устранения означенных недостатков предлагалось принять «самые решительные энергичные меры»²⁹.

Очередное ведомственное переподчинение учреждений призрения малолетних связано с реализацией постановления СНК от 20 февраля 1919 г. № 288 «О порядке перехода приютов и других детских учреждений в Народный Комиссариат по Просвещению»³⁰. Перевод предписывалось осуществить постепенно, в срок до 1 января 1920 г. Но уже 10 мая 1919 г. Отдел единой трудовой школы Наркомпроса РСФСР разослал в губернии извещение, в котором всем губотделам народного просвещения предлагалось немедленно приступить к организации подразделов социального воспитания³¹.

В итоге секция социального воспитания, созданная в 1919 г. в составе подотдела единой трудовой школы Вологодского губотдела просвещения, в январе 1920 г., ввиду возложения на нее функций по руководству детскими

²⁷ К докладу губисполкому [Доклад т. Голованова «Об обследовании учреждений социального обеспечения и детских приютов», подготовленный к заседанию Вологодского губисполкома 30.09.1919 г.] // ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 48–49-об.

²⁸ Акт санитарного осмотра членами особой рабочей комиссии детского приюта дефективных детей от 22 марта 1920 г. № 573 // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 255. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Москва: [б. и.], 1943. С. 419.

³¹ Извещение Отдела единой трудовой школы Наркомпроса РСФСР от 10.05.1919 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д.120. Л. 4.

приютами, борьбе с беспризорностью и правовой защите детей, была реорганизована в подотдел охраны детства³².

В связи ростом детской преступности (к 1920 г. она возросла по сравнению «с дореволюционным 1916 г. почти в 38 ½ %»³³) постановлением СНК от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» была восстановлена уголовная ответственность лиц в возрасте от 14 до 18 лет в случае признания недостаточными в их отношении мер медико-педагогического воздействия, а на Наркомпрос и подведомственные ему органы возложено образование Комиссий о несовершеннолетних. Наркомпросу и Наркомздраву также поручалось осуществление медико-педагогической задачи по воспитанию, обучению и лечению морально-дефективных несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях «в соответствующих лечебно-воспитательных учреждениях, куда Комиссии о несовершеннолетних направляют таковых»³⁴.

Для реализации требований данного документа 13 апреля 1920 г. в Вологодский губотдел просвещения поступила телеграмма от А.В. Луначарского, в которой предлагалось немедленно организовать в губернском городе и всех уездах комиссии по делам несовершеннолетних³⁵. 14 апреля эта информация была продублирована в Грязовецкий, Каргопольский, Вельский, Тотемский и Кадниковский уездные отделы просвещения³⁶.

На совместном заседании представителей Губкомонес при губздравотделе, губотдела просвещения и уголовного розыска 5 мая 1920 г. был заслушан вопрос о порядке направления задерживаемых на улице детей, особенно «из среды лиц преступного элемента» на время предварительного их содержания при производстве по делу дознаний и «до решения Губкомонес дел по существу». Участники заседания отметили, что требуемые центральными распоряжениями специально хорошо оборудованные «Детский приемный дом» и «Детский наблюдательно-распределительный пункт», где дети должны встретить «приветливую заботливость» и «возможность чувствовать себя в атмосфере тепла и уюта, быть одетыми, обутыми и накормленными», пока еще

³² Отчет о деятельности Губернской комиссии о несовершеннолетних за 1918–1921 гг. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 354. Л. 38.

³³ Детская дефективность, преступность и беспризорность. С. 19.

³⁴ Дети ГУЛАГа, 1918–1956 / составители С.С. Виленский; и др. Москва: МФД, 2002. С. 29.

³⁵ Телеграмма А.В. Луначарского от 13.04.1920 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 255. Л. 2.

³⁶ Отношение губотдела просвещения от 14.04.1920 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 255. Л. 3.

в Вологде «не организованы». По указаниям центра и «в интересах республики», с точки зрения «заботливости о детях как будущей опоре социалистического отечества», детские дома должны были быть «поставлены на первую очередь и вопрос об этом открытым оставлять нельзя, а равно и сосредотачивать всех задерживаемых детей в один приют для морально-дефективных». В нем должны содержаться дети исключительно по решениям Губкомонес. Поэтому вопрос было решено вынести для «детальной проработки и претворения в жизнь» на рассмотрение коллегии губотдела просвещения³⁷.

На состоявшемся 15 мая 1920 г. в губотделе просвещения совещании по данному вопросу было принято решение о немедленном открытии в Вологде распределительно-наблюдательного дома, в который дети «будут поступать из приемника и находиться ... дня 3–4 для выяснения вопроса, куда подлежат передаче»³⁸. Присутствовавшие на совещании единогласно признали, что единственным помещением под такой дом мог быть бывший Семинарский сад³⁹, «прекрасно оборудованный и приспособленный», отданный на тот момент под устройство детского сада для детей железнодорожников (при условии предоставления взамен его другого помещения). В случае «совершенной невозможности» передачи указанного сада в распоряжение губотдела просвещения, предлагалось использовать для этой цели вологодский арестный дом, который можно было бы перевести в помещение губернской тюрьмы. Представляя изложенное на усмотрение президиума губисполкома, губотдел просвещения просил его утвердить постановления совещания и также «сделать распоряжение» губотделу юстиции об организации «реформатории для неисправимых детей рецидивистов»⁴⁰.

На практике данное решение было реализовано не сразу, а предложение по созданию реформатории не принято во внимание. Судя по статистическим данным, характеризующим развитие народного образования в губернии по состоянию на 15 сентября 1920 г., в ведении губернского и уездных отделов образования функционировали 24 детских дома, обслуживавшие

³⁷ Журнал объединенного заседания членов Вологодской губкомиссии о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях, и дефективных детях при губздравотделе, с представителями от местного отдела управления и уголовного розыска 05.05.1920 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

³⁸ Решение совещания в губотделе просвещения от 15.05.1920 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 255. Л. 7-об.

³⁹ В документе неточность, поскольку имелся в виду Самаринский сад, в котором до революции находился исправительный ремесленный приют для несовершеннолетних правонарушителей.

⁴⁰ Решение совещания в губотделе просвещения от 15.05.1920 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 255. Л. 7-об.

1 628 беспризорных и дефективных детей⁴¹. Распределительно-наблюдательный пункт для морально-дефективных детей отдельно не упомянут.

Создание специальных детских домов (приемников, распределителей и испытательно-наблюдательного пункта для морально-дефективных детей) было объявлено главной задачей образованной 22 октября 1920 г. Губкомонес при подотделе охраны детства губотдела просвещения. Целью этих заведений провозглашалось «исправление малолетних преступников и внедрение в них навыков к общественно-полезной жизни»⁴².

На 1 января 1921 г. испытательно-наблюдательный пункт для морально-дефективных детей уже действовал. В нем находилось 42 мальчика, которые были помещены туда в основном за кражи и хулиганство⁴³.

На момент образования в начале марта 1921 г. в составе губоно секции правовой защиты детей⁴⁴, заведующим которой был назначен «в порядке совместительства» председатель Губкомонес П.А. Солдатов, в ее распоряжении уже имелись следующие детские дома: испытательно-наблюдательный пункт, приемник и распределитель, с числом детей 47, 65 и 45 соответственно⁴⁵. Испытательно-наблюдательным пунктом заведовал (и по совместительству был учителем-воспитателем) П.В. Тарабукин. Заведующей приемником и распределителем (одновременно воспитательницей в них) являлась О.Н. Роднина⁴⁶.

Испытательно-наблюдательный пункт остро нуждался в опытных учителях-воспитателях, отсутствие которых оказывало неблагоприятное воздействие на морально-дефективных детей, остававшихся «без систематических школьных

⁴¹ Преображенский Б.М. Задачи Народного комиссариата просвещения и статистика народного образования в Вологодской губернии // Статистический вестник Вологодской губернии. 1920. № 2. С. 11.

⁴² Отчет о деятельности Губернской комиссии о несовершеннолетних за 1918–1921 гг. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 354. Л. 26.

⁴³ Отчет испытательно-наблюдательного пункта за январь 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 48.

⁴⁴ После очередной реорганизации в начале 1921 г. центрального аппарата Наркомпроса и подведомственных ему органов на местах губотдел просвещения стал именоваться губернским отделом народного образования (губоно), в его структуре выделено управление социального воспитания (Губсоцвос), одним из подразделений которого стал подотдел (секция) правовой (охраны) защиты детей (в составе последнего созданы отделение по борьбе с детской беспризорностью и комиссия по делам несовершеннолетних).

⁴⁵ Отчет о деятельности Вологодской губернской комиссии о несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 75.

⁴⁶ Список лиц, работающих по детской дефективности // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 76–76-об.

занятий и без должного воздействия на них воспитателя», поскольку служащие заведения, которых было трое, привыкли обращаться с воспитанниками «грубо и невоздержанно». Кроме того, не доставало кроватей, одеял, простыней и белья, особенно при массовом поступлении детей, а также изолированного класса для проведения занятий в двух группах при условии наличия двух учителей⁴⁷. На 1 июня 1921 г. в заведении содержалось 77 человек, из них: 42 – за кражи, 15 – за побеги, 8 – за хулиганство, 3 – за убийство и поджоги, 2 – за спекуляцию, 1 – за подделку продуктовых карточек и шесть – прочих⁴⁸. К началу июля число детей сократилось до 29 (в их числе были и две девочки)⁴⁹.

В открытых в Самаринском саду приемнике и распределителе сразу же был начат ремонт помещений и установлено электрическое освещение. К апрелю 1921 г. удалось восстановить водопровод, отремонтировать баню и кухню, приступить к устройству погреба, овощехранилища и изготовлению детских кроватей⁵⁰. Критическое положение во вновь открытых учреждениях сложилось с обеспечением питомцев бельем, постельными принадлежностями, одеждой и обувью. Их не хватило даже на первую смену: дети содержались в своей грязной одежде, в которой были доставлены. Губкомонес, проводившая проверку приемника и распределителя, отмечала, что «крайне нужна помощь центра», поскольку «все принимавшиеся на месте меры оказались тщетными»⁵¹.

Ввиду кратковременности пребывания детей в упомянутых заведениях о систематической воспитательной работе с ними не могло быть и речи, но несовершеннолетние при этом не должны были оставаться в праздности. Занятия с ними рекомендовалось проводить преимущественно клубного характера: чтение, беседы, физические упражнения, игры и простые ремесла. Дети путем воздействия на них со стороны воспитателей должны были получать новые впечатления, существенно отличавшиеся от полученных ими прежде. Особая роль отводилась опытному педагогу, который

⁴⁷ Отчет испытательно-наблюдательного пункта за апрель 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 93-об.

⁴⁸ Отчет испытательно-наблюдательного пункта за июнь 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 200.

⁴⁹ Отчет испытательно-наблюдательного пункта за июль 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 202.

⁵⁰ Отчет о деятельности Вологодской губернской комиссии о несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 75.

⁵¹ Там же. Л. 75-об.

сумел бы воздействовать на воображение несовершеннолетнего, заставил бы его почувствовать разницу между прошлым и возможным будущим и зародил бы в нем желание стремиться к этому будущему⁵².

На организованные в тот же период при уездных отделах народного образования уездные комиссии о несовершеннолетних (укомонесы) были возложены обязанности, связанные с созданием на местах подобных учреждений. В частности, уже в августе 1920 г. Тотемская укомонес (председатель П. Шкаредный) начала хлопотать об открытии приемника-распределителя⁵³. Однако на 1 февраля 1921 г. в ее распоряжении еще «никаких исправительно-лечебно-воспитательных заведений не имелось, в виду полного отсутствия подготовленных работников и помещений»⁵⁴. Приемник-распределитель в г. Тотьме, по одним данным, удалось открыть к маю 1921 г.⁵⁵, по другим, – с 1 декабря того же года⁵⁶.

По состоянию на 1 марта 1921 г. приемно-распределительный пункт имелся лишь в ведении Каргопольской укомонес. Им руководила А.А. Рудометова. В среднем там одновременно находилось до 20 детей⁵⁷. Грязовецкая, Кадниковская и Вельская укомонес никаких учреждений в своем распоряжении не имели⁵⁸. Отсутствие таковых последняя из них объясняла введением в городе и районе осадного положения⁵⁹. Губкомонес, получив сведения от Кадниковской укомонес о том, что пятеро обвиняемых малолетних на 1 апреля содержались в местном арестном доме совместно со взрослыми, потребовала срочно открыть «хотя бы один приемник на уезд». И уже к июню были приняты спешные меры. Хотя приемник не был открыт, но в квартире учителя

⁵² Агрикова Е.И. Первичные учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних. С. 38.

⁵³ Сведения о движении воспитанников за 1920 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 3.

⁵⁴ Отчет Тотемской уездной комиссии по делам несовершеннолетних за февраль 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 58.

⁵⁵ Отчет Тотемской уездной комиссии по делам несовершеннолетних за май 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 165.

⁵⁶ Сведения о движении детей в первичных учреждениях за 1-е полугодие 1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп.1. Д. 970. Л. 4.

⁵⁷ Отчет о деятельности Каргопольской уездной комиссии по делам несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 71, 84.

⁵⁸ Отчет Грязовецкой уездной комиссии по делам несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 82; Отчет Кадниковской уездной комиссии по делам несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 95; Отчет Вельской уездной комиссии по делам несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 88.

⁵⁹ Отчет Вельской уездной комиссии по делам несовершеннолетних за март 1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 88.

за комиссией были оставлены две комнаты для детей, привозимых из уездов «в комиссию», где они должны были находиться под присмотром хозяина квартиры⁶⁰.

В январе 1922 г. администрация испытательно-наблюдательного пункта обратилась в губоно с просьбой о необходимости проведения в здании пункта «солидного» ремонта, выселения частных жильцов из помещений, занимаемых заведением, а также улучшения материального обеспечения воспитанников. Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что количество пайков уменьшалось, а численность детей периодически увеличивалась. Вследствие ухудшения питания «неимоверно» возросло число самовольных отлучек и побегов питомцев, а с наступлением тепла возникла угроза превращения пункта в ночлежный дом. Невыполнение указанных «насущных потребностей», по мнению заведующего этим учреждением, могло быстро привести к губительным последствиям⁶¹.

Следует отметить, что в ходе очередной реструктуризации, проведенной в марте–апреле 1922 г., органы управления детскими заведениями социального воспитания были вновь реорганизованы. Губсоцвосу был возвращен статус подотдела, но сохранено прежнее наименование. В его составе функционировали отделение правовой защиты несовершеннолетних и Губкомонес. В 1923 г. это отделение было переименовано в отделение социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН)⁶².

В связи с наличием значительного числа неподдающихся педагогическому влиянию дефективных подростков, проходивших через Губкомонес, в ведении губоно 1 ноября 1923 г. в Вологде (ул. 2-я Предтеченская – угол Златоустинской набережной⁶³) был открыт детский дом – приемник-изолятор морально-дефективных детей. Первыми туда поместили лиц, отделенных от детей младшего возраста из учреждения подобного типа⁶⁴.

⁶⁰ Ответ Кадниковской уездной комиссии на указание Губкомонес от 03.06.1921 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 433. Л. 204.

⁶¹ Докладная записка зав. испытательно-наблюдательным пунктом о состоянии детдома 1922 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 565. Л. 2–3.

⁶² Последняя реорганизация органов управления специальными детскими заведениями в рамках рассматриваемого периода имела место в августе 1927 г., когда Губсоцвос был преобразован в инспекцию по социальному воспитанию с отделением по детдомам.

⁶³ На пересечении современных Набережной VI Армии и улицы Прилуцкой. Там находилась Дюдикова пустынь.

⁶⁴ Бланк статистических сведений по первичным учреждениям СПОН на 01.07.1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 17.

По состоянию на 1 января 1924 г. приемник-изолятор упомянут как изолятор для трудового воспитания⁶⁵, а в сведениях за второе полугодие того же года, предоставленных 8 мая 1925 г., – детдом для трудновоспитуемых⁶⁶. (Его местоположение в обоих случаях указано не по вышеупомянутому адресу, а как д. Дюдикова пустынь, бывшая Немировская богадельня.) На 1 июля 1924 г. там содержалось 26 подростков, к 1 января 1925 г. – 25. Всего за этот период в заведении побывали 84 человека, из них: правонарушителей – 69, беспризорных – трое, нищенствовавших – двое и прочих – 10. По возрасту несовершеннолетние распределялись следующим образом: 7–10 лет – 1, 10–14 лет – 59, 14–16 лет – 15, 16–18 лет – 9 человек⁶⁷.

За период с 1 октября по 31 декабря 1924 г. Губкомонес передала в детдом для трудновоспитуемых 31 человека⁶⁸. В апреле 1925 г. заведение было реорганизовано в детдом при СПОН с отделением для трудновоспитуемых⁶⁹.

Представитель Губкомонес М.Н. Чащин, выступая 10 июня 1925 г. на заседании президиума губернского суда с докладом о работе комиссии, остановился на деятельности имевшихся в ее распоряжении приемника-распределителя, испытательно-наблюдательного пункта и детдома при СПОН. При этом особое внимание было акцентировано на «невозможных условиях», существовавших в детдоме, находившемся «в периоде организации». Отмечалось, что многие воспитанники не хотели трудиться, а выражали свое желание работать лишь на словах, на заседаниях же комиссии некоторые из детей демонстрировали отвращение к физической работе высказываниями типа «Мы для вас не рабочие». В качестве примера был приведен факт, что когда среди воспитанников нашлись желающие убрать мусор со двора заведения, то противники работы разными жестами стали предлагать им бросить это занятие. И те, подчинившись воле вожаков, прекратили работу, опасаясь мести в форме физического воздействия с их стороны. В итоге, «считаясь с наличием трудно исправимых», работа сотрудников учреждения была признана чрезвычайно тяжелой и оценена как удовлетворительная⁷⁰.

⁶⁵ Отчет Вологодского губернского подотдела СПОН о стационарных учреждениях для дефективных детей на 01.01.1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 35.

⁶⁶ Сведения о движении детей в первичных учреждениях СПОН за 2-е полугодие 1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 22.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Отчет Губкомонес за 4-ю четверть 1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 960. Л. 23-об.

⁶⁹ Отношение Губкомонес в Губсоцвос СПОН от 18.06.1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 960. Л. 58-об.

⁷⁰ Выписка из журнала президиума губсуда от 10 июня 1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 960. Л. 59.

В Вологодском испытательно-наблюдательном пункте для морально-дефективных детей, рассчитанном на 50 мест, за период с 1 января по 1 сентября 1923 г. количество воспитанников увеличилось с 25 до 49⁷¹. Они были поделены на две группы: грамотные и неграмотные. Для питомцев первой из них занятия проводились по программе школы-восьмилетки (по 18 часов в неделю). В заведении была оборудована столярная мастерская, в которой трудились 10 человек. Воспитатели проводили с питомцами беседы, занимались с ними чтением, музыкой, гимнастикой, театральным искусством. Силами педагогов и пяти воспитанников был поставлен спектакль по пьесе А.П. Чехова «Предложение», все дети принимали участие в новогоднем представлении «Елка». Под руководством воспитателей питомцы выводились на экскурсии в музеи, выставку вологодских художников и др. Врач и комсомольцы проводили для них беседы на научные темы. В заведении имела библиотека, состоявшая из 2 500 книг. Также там был создан педсовет, заседания которого проводились «по мере накопления вопросов», в вышеуказанный промежуток времени их состоялось 30⁷².

С 3 ноября 1924 г. учреждение стало обслуживать еще и умственно-отсталых детей⁷³. Общее число содержащихся в нем несовершеннолетних в течение 1924 г. составило 123 человека (106 мальчиков и 17 девочек), из них 119 были доставлены Губкомонес. Основания поступления детей в заведение были следующие: за правонарушения – 57, беспризорные – 56, бегство из детдомов нормального типа – 6 и явились сами – 4. По состоянию на 1 января 1924 г. в испытательно-наблюдательном пункте находилось 47 детей (в т. ч. шесть девочек), на 1 января 1925 г. – 21 мальчик⁷⁴. Отметим, что в документах губоно за 1925 г. учреждение числилось уже как испытательно-наблюдательный пункт для умственно-отсталых детей⁷⁵.

К 1923 г. приемник и распределитель были объединены и существовали уже в статусе губернского приемника-распределителя, который размещался в бывшем Архиерейском доме на Соборной площади г. Вологды. В период с 13 апреля по 1 сентября число воспитанников сократилось с 122 человек

⁷¹ Статистические сведения по Вологодскому испытательно-наблюдательному пункту для морально-дефективных детей за период с 1 января по 1 сентября 1923 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 21.

⁷² Там же. Л. 22–22-об.

⁷³ Бланк статистических сведений по первичным учреждениям СПОН на 01.07.1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

⁷⁴ Сведения о движении детей в первичных учреждениях за 1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 6.

⁷⁵ Отчет о деятельности Вологодского губкомиссии по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях за 1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1120. Л. 33.

(83 мальчика, 39 девочек) до 63 (28 и 35 соответственно). Всего за это время прибыло 325 детей, выбыло – 384. В зависимости от возраста питомцы были поделены на 4 группы: с 3 до 7 лет; с 8 до 9; с 10 до 12; с 13 лет и старше. Правда, из-за частой смены контингента стабильности в составе групп не было. По этой же причине не проводилось и регулярных классных занятий. Случаев самовольных отлучек детей из заведения не было зафиксировано. Для приобретения воспитанниками трудовых навыков в приемнике-распределителе была оборудована столярная мастерская. Ввиду отсутствия свободных помещений не удалось открыть сапожную и переплетную мастерские, несмотря на наличие для них необходимых инструментов. Воспитатели учреждения проводили с питомцами различные клубные занятия: беседы, чтение, игры, пение и гимнастические упражнения. Однако определенного расписания для них не было. Кроме того, под руководством воспитателей были поставлены два спектакля с концертными номерами и проведены экскурсии по ближайшим окрестностям с целью «ознакомления с природой». В заведении имелась небольшая библиотека, состоявшая из 141 книги, из которых 65 – учебники и 73 – беллетристика⁷⁶.

На 1 июня 1924 г. приемник-распределитель в г. Вологде находился по адресу: ул. Чернышевского, 38⁷⁷. В нем содержалось 58 человек (39 мальчиков и 19 девочек), к 1 января 1925 г. – 48 (28 и 20 соответственно). Всего за 2-е полугодие 1924 г. через это заведение прошли 308 детей (216 мальчиков и 92 девочки), из них за совершение правонарушений – 110 (109 и 1). Основную массу контингента (132 ребенка: 115 мальчиков и 17 девочек) составляли беспризорные⁷⁸. За этот период из приемника в детдом для трудновоспитуемых были переданы 16 мальчиков⁷⁹. По состоянию на 1 июня 1926 г. в приемнике было 40 детей (17 мальчиков и 23 девочки), а к 1 июля их осталось уже 30 (14 и 16 соответственно)⁸⁰.

Через Тотемский приемник-распределитель, который к 1923 г. был «почти оборудован», хотя для детей не доставало необходимой одежды и обуви, в период с 1 января по 1 сентября при лимите в 10 мест прошло 18 детей

⁷⁶ Статистические сведения по детскому дому «Губернский приемник-распределитель» за период с 13 апреля по 1 сентября 1923 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 1–1-об.

⁷⁷ Лимит заведения удалось установить лишь по состоянию на 01.11.1925 г. Он составлял 50 мест. См.: Отчет о работе Губкомонес с июня по октябрь 1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1120. Л. 6-об.

⁷⁸ Сведения о движении детей в первичных учреждениях за 2-е полугодие 1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 19.

⁷⁹ Там же. Л. 19-об.

⁸⁰ Сведения о движении воспитанников детдомов г. Вологды на июнь 1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 2. Д. 534. Л. 266.

(17 мальчиков и одна девочка) в возрасте от 7 до 15 лет⁸¹. Деление на группы отсутствовало, поскольку одновременно не содержалось более 3 человек. Силами воспитателя дети обучались грамоте, им читались статьи разного содержания и проводились беседы по поводу прочитанного, также они занимались свободным рисованием и физическим трудом (убирали помещения, очищали двор от мусора и т.п.). Занятия проводились ежедневно, но точное их число не было определено, т.к. труд воспитателя не оплачивался, а за работу он пользовался квартирой. Ввиду малочисленности детей и кратковременности пребывания их в этом учреждении вопрос об открытии мастерских не поднимался. Мероприятия воспитательного характера ограничивались беседами с питомцами на различные темы по их желанию⁸².

На 1 июня 1924 г. в этом учреждении содержалось 18 человек (15 мальчиков и 3 девочки), в том числе трое правонарушителей, пятеро беспризорников, семеро нищенствовавших и трое явившихся самостоятельно. 15 детей были в возрасте от 10 до 14 лет, двое – от 14 до 16, один – до 7 лет⁸³.

В 1923 г. в Грязовце на базе приемника для голодающих детей Поволжья, созданного в 1921 г. и перепрофилированного в 1922 г. в приемник для беспризорных детей, был открыт приемник для всех видов дефективности⁸⁴. В течение года через него прошло 72 человека в возрасте от 4 до 15 лет⁸⁵. Главная задача учреждения состояла в выявлении в течение 2–3 недель индивидуальных особенностей ребенка и определении места его дальнейшего пребывания. Ввиду краткосрочного нахождения несовершеннолетних в приемнике школьных занятий с ними не проводилось, библиотеки не было. Внешкольная работа заключалась в чтении и пересказе прочитанного. Общественно-политическое воспитание состояло в проведении бесед о революционных праздниках, участии в демонстрациях по их поводу, украшении здания внутри и снаружи и разучивании революционных песен. Из-за отсутствия в учреждении мастерских, трудовой принцип, положенный в основу его деятельности, реализовывался в самообслуживании воспитанников, которые сами убирали комнаты, приносили воду и дрова, ухаживали за садом и работали на огороде. Физическое воспитание выражалось в подвижных играх со всевозможными фигурами. Художественно-культурные навыки питомцев развивались путем украшения стен и одежды, хорового пения, коллективного

⁸¹ Статистические сведения по Тотемскому приемнику-распределителю за период с 1 января по 1 сентября 1923 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 6–6-об.

⁸² Там же. Л. 7.

⁸³ Сведения о движении детей в первичных учреждениях за 1-е полугодие 1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 970. Л. 4–4-об.

⁸⁴ Годовой отчет детдома «Приемник» за 1923 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 45.

⁸⁵ Там же. Л. 46.

рисования и театральные занятия. В отношении контингента заведения применялись только меры морального воздействия⁸⁶.

Следует заметить, что со второй половины 1926 г. приемники-распределители в числе специальных детских заведений, подведомственных Вологодскому губоно, в документах не упоминаются⁸⁷.

Кроме того, на территории Грязовецкого уезда, в Ростилловской волости в бывшем Корнилиево-Комельском монастыре действовала школа дефективных детей с лимитом в 30 мест, созданная 22 октября 1920 г. По состоянию на 1 января 1923 г. в ней находилось 18 детей (12 мальчиков и 6 девочек), а к 1 октября их число увеличилось до 31 (21 и 10 соответственно) в возрасте от 3 до 18 лет⁸⁸. Воспитанники были поделены на три группы в зависимости от степени грамотности. Распорядок дня в учреждении был организован следующим образом: в 7 часов утра – подъем, затем – уборка помещений, носка дров и прочие работы по хозяйству, 8.30 – завтрак, с 9.00 до 14.00 – классные занятия, в 14.00 – обед, по окончании которого – прогулка, топка печей, игры и т.п., в 16.00 – чай и занятия-беседы до ужина в 20.00, в 20.30 – отбой. В летнее время дети весь день были заняты в поле и на огороде. Мастерских и библиотеки в заведении не было. Клубные занятия с питомцами были представлены беседами и «драматизациями» на разные темы. Воспитанники выступали в спектаклях, а также декламировали стихи и басни, пели песни и играли в пьесах-сценках на праздниках, посвященных 1 мая и 1 июня (по случаю окончания учебного года)⁸⁹. Последнее из выявленных упоминаний об этом заведении датируется 1 января 1924 г.⁹⁰

В июне 1925 г. было принято решение о переводе детдома трудновоспитуемых при СПОН из Вологды на остров Каменный на Кубенском озере, в жилые помещения закрытого Спасо-Каменного монастыря, переданные в ведение губоно. «Переброска» этого заведения (его официальный адрес значился как: с. Устье Кадниковского уезда Вологодской губернии) на остров

⁸⁶ Годовой отчет детдома «Приемник» за 1923 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 46-об–47-об.

⁸⁷ Они были либо закрыты, либо переданы в ведение органов Наркомата путей сообщения.

⁸⁸ Статистические сведения по Комельской школе-детдому для дефективных детей за период с 1 января по 1 октября 1923 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 26.

⁸⁹ Там же. Л. 26-об–27.

⁹⁰ Отчет Вологодского губернского подотдела СПОН о стационарных учреждениях для дефективных детей на 01.01.1924 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 740. Л. 35.

диктовалась желанием Вологодской губернской власти изолировать несовершеннолетних правонарушителей от влияния улицы⁹¹.

Детей привезли туда в июле 1925 г., а в ночь с 1 на 2 сентября того же года на территории бывшего монастыря возник пожар⁹², нанесший серьезный урон его постройкам⁹³. Необходимо отметить, что опубликованная в ряде изданий информация о том, что после пожара детей в срочном порядке вывезли с острова⁹⁴, не получила подтверждения в архивных документах.

Судя по материалам доклада о состоянии детдома при СПОН от 15 октября 1925 г., после пожара воспитанники (17 мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет) и штат служащих (6 человек: заведующий, двое воспитателей, кухарка, уборщица и сторож-дворник) были переведены в двухэтажный деревянный дом на территории монастыря, в котором имелись шесть комнат, две кухни с русскими печами, две тесовые кладовки и две уборных. Отдельной столовой, комнат для школьных занятий, мастерских и клуба не было. Занятия с воспитанниками не проводились, «да они [были] и немыслимы при таких условиях»⁹⁵.

Коллектив заведения, возглавляемый А.С. Шайжиным, считал помещения, в том состоянии, в котором они находились на 15 октября 1925 г., «для детдома весьма не пригодными». И поэтому просил губоно о переводе заведения в иное место, а именно в бывшую Семигородную пустынь, которая была расположена в 60 верстах от Вологды, недалеко от железнодорожной станции Семигородная Архангельской железной дороги. Помещения пустыни были освобождены детдомом Кадниковского уоно, выехавшим оттуда в с. Устье⁹⁶.

Вопрос о переводе детдома из бывшего Спасо-Каменного монастыря не был решен. Ввиду того, что Губкомонес и укомонес продолжали направлять туда трудновоспитуемых, администрация заведения запросила губернские власти принять меры по его расширению. Документ был взят на контроль губернским

⁹¹ Протокол заседания педсовета детдома при СПОН от 10–11.12.1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 30.

⁹² Доклад о состоянии детдома при СПОН от 15.10.1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 6.

⁹³ Спасо-Каменный мужской монастырь: озеро Кубенское // Русские монастыри: Север и Северо-Запад России: Псковская, Новгородская, Санкт-Петербургская, Вологодская, Петрозаводская, Сыктывкарская, Архангельская, Мурманская епархии. Новомосковск: Очарованный странник, 2001. С. 437.

⁹⁴ *Котин М.* На необитаемом острове // Независимая газета. 2002. 16 января (№ 3). С. 12; *Белова Н.А.* Региональные аспекты пенитенциарной системы России (на материалах Вологодского края): курс лекций. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. С. 85; и др.

⁹⁵ Доклад о состоянии детдома при СПОН от 15.10.1925 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 6–6-об.

⁹⁶ Там же. Л. 7-об.

прокурором, и в ответ на запрос последнего отделение СПОН губоно 11 марта 1926 г. сообщало, что средствами на эти цели не располагает, однако делает все возможное для того, чтобы не направлять на остров новых воспитанников. Также до сведения прокурора доводилась информация о том, что для Вологодского губоно в Архангельском институте социального перевоспитания выделено всего 10 мест для трудновоспитуемых подростков, которые на тот момент уже были заполнены. Кроме того, отделение СПОН извещало губпрокурора, что

детдом предполагается перевести в один из совхозов и реорганизовать его в трудовую колонию,

но при этом особо подчеркивалось, что

подыскать наиболее подходящего педагога для работы с трудновоспитуемыми детьми опять же затрудняется отсутствием средств на увеличение ставок⁹⁷.

16 марта 1926 г. вопрос о детской колонии для трудновоспитуемых рассматривался на заседании президиума губернского исполкома. В результате было принято предложение о срочной ее организации⁹⁸. 24 марта того же года отделение СПОН губоно ввиду ликвидации детдома в бывшем Спасо-Каменном монастыре обратилось в Устьянский волостной исполком Кадниковского уезда с просьбой выделить своего представителя для принятия помещений расформируемого заведения⁹⁹.

29 марта 1926 г. на совместном совещании представителей губоно, губадмтдела и губпрокуратуры по согласованию с губисполкомом было решено «немедленно приступить к организации трудовой коммуны для трудновоспитуемых детей на 50 человек, используя под таковую помещения бывшего Заоникиевского монастыря»¹⁰⁰.

Совещание постановило, что детдом следует создать открытого типа (по типу домов Наркомпроса для трудных детей), а его комплектование производить только на основании постановлений Губкомонес и укомонес.

⁹⁷ Ответ отделения СПОН губоно губпрокурору от 11.03.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 50.

⁹⁸ Сообщение губоно в президиум ГИК от 29.03.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 56.

⁹⁹ Отношение зам. зав. СПОН губоно в Устьянский ВИК Кадниковского уезда от 24.03.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 55.

¹⁰⁰ Сообщение губоно в президиум ГИК от 29.03.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 56.

Касательно «организации при детдоме-колонии особого закрытого отделения», было признано, что «вопрос этот представляет юридический казус», и его было решено передать в губпрокуратуру для «дополнительной проработки»¹⁰¹. Также на совещании сообщалось, что 28 марта было проведено заседание Губкомонес, которое «подтвердило срочную необходимость организации детской колонии для трудновоспитуемых, наметив ряд мероприятий в этом направлении»¹⁰². Кроме того констатировалось, что помещения Заоникиевского монастыря освободились (детдом съехал) и 13 детей из детдома в бывшем Спасо-Каменном монастыре на острове в Кубенском озере требуется срочно перевести во вновь организованную колонию «в виду приближающегося разлива воды»¹⁰³.

По состоянию на 14 апреля 1926 г. трудовая колония для трудновоспитуемых детей уже функционировала¹⁰⁴. Согласно акту от 7 апреля 1926 г. о приемке имущества бывшего Зоникиевского детдома заведующим колонии был Г.А. Бодухин¹⁰⁵.

Примечательно, что с февраля 1926 г. велась переписка Вологодского губоно с Северо-Двинским губоно о возможности приема в данное учреждение несовершеннолетних правонарушителей, поскольку специальных детских учреждений для их изоляции в этой губернии не имелось¹⁰⁶. Согласие на отправку 7 подростков первым пароходом было дано 14 апреля, с установлением платы за содержание каждого из них в размере не менее 230 рублей в год¹⁰⁷.

В связи с тем, что к лету 1926 г. в Заоникиевской колонии при лимите в 50 мест содержалось всего 15 человек, губоно с целью «доведения заведения до полной нагрузки» 12 июля разослало на места информацию о предоставляемых в нем местах для мальчиков в возрасте 11–13 лет. Пяти уоно было выделено 16 мест (из них: Вельскому и Каргопольскому – по пять, Тотемскому – три,

¹⁰¹ Сообщение губоно в президиум ГИК от 29.03.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 56.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Заявление В.А. Красильникова о приеме на работу дворником в колонию губоно с 14.04.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 58.

¹⁰⁵ Акт о приемке имущества бывшего Заоникиевского детдома от 7 апреля 1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 65.

¹⁰⁶ Телеграмма из Северо-Двинского губоно от 08.02.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 59–59-об.

¹⁰⁷ Ответ Вологодского губоно на запрос из Северо-Двинского губоно от 14.04.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 61.

Вологодскому – два, Каргопольскому – одно) и Свердловскому¹⁰⁸ райотделу народного образования – два. Направить подростков в колонию предписывалось к 1 сентября того же года. Сообщалось, что в колонии есть школа четырехлетка, земельный участок (5 десятин пахотной земли и сенокос), организована сапожная мастерская и готовится к открытию портновская мастерская¹⁰⁹.

Во исполнение этого документа в течение августа 1926 г. в колонию было направлено 12 человек: трое воспитанников из Тотемских детдомов, трое – из Вельской Пионер-коммуны и пятеро – из Каргопольского детдома «Школа-коммуна»¹¹⁰. На 1 октября того же года в колонии содержалось 38 мальчиков, на 1 января 1927 г. их число достигло 40¹¹¹.

При этом Губкомонес, рассматривавшая дела о несовершеннолетних правонарушителях, в период с июля по октябрь 1926 г. вынесла решения о помещении в Заоникиевскую колонию лишь в отношении 9 человек, еще 12 трудновоспитуемых подростков по ее инициативе подлежали отправке в Архангельский институт социального перевоспитания¹¹².

5–6 сентября 1926 г. колонию посетила врач Е. Образцова. Ее отчет был отправлен в СПОН и продублирован в книге посетителей заведения. Врач, не видевшая детей полтора года, констатировала, что они «выросли и возмужали», отметила «сдвиги в моральном и умственном отношении». Также Образцова написала, что «дети чувствуют себя полными хозяевами малышей, предостерегают их от дурных привычек, даже своим примером;

¹⁰⁸ Свердловский (официально – Свердловско-Сухонский) район был создан решением Вологодского губисполкома в ноябре 1923 г. в составе Архангельской, Боровецкой и Оларевской волостей Вологодского уезда и трех фабрично-заводских поселков – Сокола, Печаткино, Малютино. В 1924 г. в состав района были включены Грибцовская и Кокошиловская волости Кадниковского уезда. Решение о создании района не было утверждено ВЦИК РСФСР, и в 1928 г. эта территория под названием Свердловской волости была включена в состав Кадниковского уезда. См. *Саблин В.А.* Наш край в составе Российского государства (История формирования территории и административных изменений Вологодской области) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. XIV: Материалы научно-практических краеведческих олимпиад школьников «Мир через культуру». Вологда: Легия, 2005. С. 139.

¹⁰⁹ Всем УОНО и РОНО: отношение губоно от 12.07.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 6–6-об. Л. 132.

¹¹⁰ Отношение Тотемского уоно от 14.08.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1120. Л. 138; Отношение Вельского уоно от 28.08.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1120. Л. 139; Отношение Каргопольского уоно от 14.08.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1120. Л. 146.

¹¹¹ Сведения о движении воспитанников детдомов г. Вологды на октябрь 1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 2. Д. 534. Л. 535, 562.

¹¹² Отчет о деятельности Губернской комиссии о несовершеннолетних за 3-ю четверть 1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1120. Л. 193-об.

расхлябанности, подражания не чувствуется». Завершалась запись доктора словами: «Жму руку заведующему и детям, и желаю, чтобы все пожелания, выраженные в прощании с ними, превратились в действительность»¹¹³. Безусловно, на основании этой выдержки было бы ошибкой преувеличивать положительные результаты, достигнутые коллективом заведения в деле перевоспитания своих питомцев, и в равной степени полностью игнорировать их.

Заоникиевская детская колония для трудновоспитуемых оставалась единственным заведением для содержания несовершеннолетних правонарушителей в ведении губоно на момент ликвидации в 1929 г. Вологодской губернии и ее преобразования в Вологодский округ Северного края.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что история детских исправительных учреждений на территории Вологодской губернии в 1918–1920-е гг. стала отражением реализуемой на региональном уровне общегосударственной политики большевиков, направленной на борьбу с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью среди несовершеннолетних, выработку действенных мер искоренения и профилактики этих негативных явлений, а также поиски оптимальной модели учреждения для исправления трудновоспитуемых подростков.

Как показал проведенный анализ, центральная власть не учитывала региональных возможностей и ресурсов при создании сети данных заведений. Трудности, имевшие место в процессе их организации и функционирования в Вологодской губернии, были характерны и для других периферийных регионов страны. К числу основных можно отнести разнопрофильность детских исправительных заведений, их частые реорганизации и необоснованные переводы из одного места в другое, сложную кадровую ситуацию, финансирование и снабжение по остаточному принципу, неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние этих учреждений и др. На практике они усложняли решение воспитательных задачи и не улучшали условий содержания детей. Вместе с тем, в рассматриваемый период при всех издержках, во многом обусловленных сложной экономической ситуацией в стране в целом и на местах в частности (в условиях тотального дефицита даже самого необходимого), в решении проблем, связанных с детской преступностью, удалось сделать немало.

¹¹³ Копия записи Е. Образцовой в книге посетителей трудовой колонии от 06.09.1926 г. // ГАВО. Ф. Р-111. Оп. 1. Д. 1138. Л. 169-об.

Introduction

Juvenile delinquency, traditionally considered one of the most important and acute social problems, remains a problem of such kind in the conditions of present-day Russian reality. It seems very relevant to turn to historical experience in order to increase the efficiency of the measures taken to prevent and combat this negative multifactorial phenomenon, which also acts as an indicator of trouble in various spheres of society. Rethinking the practices of establishing and operating the correctional institutions for difficult minors, among whom were both actual and potential offenders, in the early years of Soviet power is of particular importance. Attempts to extract information from the past can be useful both for minimizing the social consequences of juvenile delinquency and for solving the problems that arise in the activities of educational colonies at the present stage.

In Russian historiography, the problems considered in the article were mainly touched upon in the context of studying the history of the fight against juvenile neglect, homelessness, and delinquency in the country. This topic was studied most actively in the 1920s, when the Soviet state was elaborating the new social policy. The issues of combating juvenile homelessness and delinquency that were relevant for those years were openly discussed at congresses on childcare. The congresses were attended by party and state figures, teachers, lawyers, and other persons directly involved in the correction and re-education of children and adolescents who found themselves in a difficult life situation.¹

Publications of a theoretical nature were based on the data collected mainly by their authors and were, in fact, a response to the measures taken in order to solve the problems of juvenile homelessness. Among the publications devoted to this topic, we should mention the works of S. Poznyshev, M. Boguslavskii, A. Kalinina, et al.² The

¹ *First All-Russian congress for child welfare* [in Russian] (Moscow: NKSO, 1920); *Child defectiveness, crime, and homelessness: the materials of the First congress of the activists involved in the fight against child defectiveness, crime, and homelessness* [in Russian] (Moscow: Gosizdat, 1922); *Materials for the Second All-Russian congress for social and legal protection of children and adolescents and children's homes on November 26, 1924* [in Russian] (Moscow [n.p.], 1924); *Child homelessness and the children's home: materials of the Second All-Russian congress for social and legal protection of minors* [in Russian] (Moscow: Otdel sotsial'no-pravovoi okhrany nesovershennoletnikh, 1926).

² S.V. Poznyshev, *Juvenile homelessness and measures to combat it* [in Russian] (Moscow: Novaya Moskva, 1926); M.S. Boguslavskii, "Fight against juvenile homelessness in the RSFSR"

issues of combating juvenile delinquency were directly reflected in the works by P. Lyublinskii, V. Kufaev, N. Grishakov, B. Plyusnin, et al.³

The characteristics of the primary institutions for the social and legal protection of minors (reception centers and probation and supervision stations) in operation during in the period under study were given by E. Agrikova.⁴ The first serious attempt to cover the life of delinquent street children in specialized institutions in the 1920s was a collection of articles and materials *The Homeless in Labor Communes* (1924), which summarized the practice of working with difficult teenagers.⁵ The specifics of the organization and activities of labor homes as special institutions for the containment of young offenders of that era were described by B. Utevskii on the example of the Moscow Labor Home.⁶

During the 1930s – 1950s, the study of the experience of the first years of Soviet era in the fight against homelessness and juvenile delinquency, as well as the creation of institutions for their correction, was curtailed.

Among the works of the 1960s – 1980s touching upon this topic, the works by Yu. Gerbeev, G. Gerasimov, T. Krivenko, A. Khmyrov⁷ should be mentioned.

[in Russian], *Krasnaya nov'*, no. 8. (1927): 139–62; M.S. Boguslavskii, *Children of the street* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927); A.D. Kalinina, *Ten years of work to combat juvenile homelessness* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Moskovskii rabochii, 1928); et al.

³ P.I. Lyublinskii, *Fight against juvenile delinquency: (social and legal essays)* [in Russian] (Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta, 1923); V.I. Kufaev, *Fight against juvenile delinquency* [in Russian] (Moscow: Novaya Moskva, 1924); V.I. Kufaev, *Young delinquents* [in Russian] (Moscow: Novaya Moskva, 1924); N.P. Grishakov, *Juvenile delinquency and the fight against it by means of education* [in Russian] (Orel: Gosizdat, 1923); B.A. Plyusnin, “Juvenile delinquency and its causes” [in Russian], *Narodnoe prosveshchenie*, no. 9–10 (1924): 50–53.

⁴ E.I. Agrikova, “Primary institutions of social and legal protection of minors” [in Russian], in *Juvenile homelessness: (prevention and fight against it): a collection of articles*, (Moscow: Krasnaya nov', 1923), 36–42.

⁵ V.L. Shveitser and S.M. Shabalov, eds., *The homeless in labor communes. Practice of working with difficult children: a collection of articles and materials* [in Russian] (Moscow: Glavsotsvos; Narkompros, 1925).

⁶ B.S. Utevskii, *In the fight against juvenile delinquency. Essays on the everyday life of the Moscow Labor Home for Juvenile Offenders* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 1927).

⁷ Yu.V. Gerbeev, *Reformatories for juvenile offenders (historical and pedagogical research)* [in Russian] (PhD thesis, Herzen State Pedagogical Institute, 1969); T.D. Krivenko, *Special educational institutions and their role in the re-education of juvenile offenders* [in Russian] (PhD thesis, All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1970); G.G. Gerasimova, *The struggle of the Communist Party and the Soviet government against juvenile homelessness during the restoration of the national economy (1921–1925) (Based on the materials from the Moscow and Leningrad governorates)* [in Russian] (PhD thesis, V.I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute, 1971); A.N. Khmyrov, *Child protection and prevention of homelessness in Petrograd in 1917–1920* [in Russian] (PhD thesis, Herzen State Pedagogical Institute, 1980); et al.

Despite the persisting ideological stance, these works considered the general trends in the elimination of mass juvenile homelessness and the fight against juvenile delinquency more objectively and thoroughly and introduced new archival documents into scientific circulation.

The rise of interest in studying the problems of fighting juvenile homelessness and delinquency during the formation of Soviet statehood began in the 1990s, when these negative social phenomena were aggravating in the country. A. Rozhkov and N. Ryabinina were among the first to research these phenomena in the context of historical processes occurring in the development of the society.⁸

A significant contribution to the study of this issue was made by the works of A. Slavko, which are notable for the depth and clarity of the analysis of various aspects of the problem on the national scale.⁹ T. Smirnova's works focus on the conditions of life in closed juvenile institutions in the 1920s.¹⁰

In the late 20th – early 21st century, several dissertations appeared that were devoted to the fight against juvenile homelessness and delinquency at the regional level in 1917 – the 1920s (M. Ged'ko, I. Sazhina, A. Zharkova, O. Maslova, E. Bender, et al.).¹¹

⁸ A.Yu. Rozhkov, "Homeless children" [in Russian], *Rodina*, no. 9 (1997): 70–76; A.Yu. Rozhkov, "Fighting homelessness in the first Soviet decade" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 11. (2000): 134–39; N.V. Ryabinina, "The morally defective – who are they? On the history of juvenile homelessness and delinquency in the 1920s" [in Russian], in *The present century, the past century: a collection* (Yaroslavl: YarGU, 1999), 56–65; N.V. Ryabinina *Juvenile homelessness and delinquency in the 1920s (based on the materials of the Upper Volga governorate)* [in Russian] (Yaroslavl: YarGU, 1999); et al.

⁹ A.A. Slavko, *Juvenile homelessness in Russia in the first decade of Soviet rule* [in Russian] (Moscow: INION RAN, 2005); A.A. Slavko, *Juvenile homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: a social portrait, causes, forms of combat* [in Russian] (Doctoral thesis, Samara State University, 2011); et al.

¹⁰ T.M. Smirnova, "Children's homes and labor colonies: the life of "state children" in Soviet Russia in the 1920s–1930s" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 3 (2012): 16–38; T.M. Smirnova, *Children of the Soviet land: from the state policy to the realities of everyday life. 1917–1940* [in Russian] (Moscow; St Petersburg: IRI RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015).

¹¹ M.I. Ged'ko, *State social policy in relation to children: experience and lessons of the 1920s (based on the materials from Moscow and Moscow Governorate)* [in Russian] (PhD thesis, Moscow State Social University, 1998); I.S. Sazhina, *The activities of the state and public organizations to eliminate juvenile homelessness in 1921–1928: Based on the materials from the Urals* [in Russian] (PhD thesis, Gorky Ural State University, 2003); A.A. Zharkova, *Historical experience of combating homelessness and juvenile delinquency in the Russian Far East: the 1920s – 1930s* [in Russian] (PhD thesis, Far Eastern State University of Humanities, 2006); O.B. Maslova, *Elimination of mass juvenile homelessness in Soviet Russia in the 1920s (based on the materials from Stavropol and Terek)* [in Russian] (PhD thesis, Pyatigorsk State Technological University, 2010); E.A. Bender, *Fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s –*

Storylines related to institutions for difficult adolescents operating in different regions in the post-revolutionary years were reflected in the publications of N. Sycheva, O. Shilova, A. Pundyakov, Z. Kolokol'nikova, N. Podlesnaya, P. Shcherbinin, I. Shkunova and others.¹²

The topics considered in this article have also been studied in foreign historiography. The works of representatives of Russian emigration (B. Sokolov, A. Makletsov, V. Zenzinov, E. Kuskova, et al.) which criticized the Bolsheviks' social policy and measures to combat homelessness, juvenile delinquency, and other children's troubles were published in the West in the 1920s.¹³

In 1978, the work of S. Weitz on juvenile homelessness and delinquency in the USSR was published in Germany. It was based on published Soviet materials and highlighted several stages in the fight against these negative social phenomena in the 1920s – 1930s.¹⁴

1930s (based on the materials from Leningrad and Leningrad Oblast) [in Russian] (PhD thesis, Saint Petersburg State University, 2015); et al.

¹² N.S. Sycheva, "Formation and functioning of the main types of educational institutions for homeless children and adolescents in the 1920s (archival materials of the Don)" [in Russian], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 2 (2013): 59–66; O.M. Shilova and A.S. Pundyakov, "Regional conditions of the development of practices in social and pedagogical child support in Vologda Governorate in the 1920s" [in Russian], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvnologiya. Sotsiokinetika*, vol. 15, no. 1. (2013): 259–62; A.S. Pundyakov, "Social and pedagogical protection of orphans and homeless children in Vologda oblast in the 1920s – 1930s" [in Russian], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i arkheologiya*, vol. 1, no. 2 (2011): 128–31; Z.U. Kolokol'nikova and N.V. Podlesnaya, "Institutions for social education of morally defective children in Yenisei Siberia in the 1920s–1930s" [in Russian], *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, no. 1–1 (2015): 136–40; P.P. Shcherbinin and I.A. Shkunova, "'Are you mentally defective or immoral?' Problems of selection and socialization of 'morally handicapped' children in the 1920s in Soviet Russia: regional aspects" [in Russian], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 24, no. 181. (2019): 173–84; et al.

¹³ B.F. Sokolov, *Save the children! (about the children of Soviet Russia)* [in Russian] (Prague: Volya Rossii, 1921); A.V. Makletsov, *The fight against juvenile homelessness in the USSR* [in Russian] (Prague: [n.p.], 1927); V.M. Zenzinov, *The Homeless* [in Russian] (Paris: Sovremennye zapiski, 1929); E.D. Kuskova, "Homeless Russia" [in Russian], *Sovremennye zapiski*, no. 38. (1929): 527–38; et al.

¹⁴ S. Weitz, *Verwahrlosung, Delinquenz und Resozialisierung minderjähriger in der Sowjetunion: Zur Geschichte eines sozialpädagogischen Problems, dargestellt am Beispiel der Russischen Sowjetrepublik, 1917–1935* (Marburg a. d. Lahn: Verlags- und Vertriebsgemeinschaft, 1978).

The issues of combating homelessness and neglect in the first decade of the existence of the Soviet state were touched upon by such American authors as A.M. Ball and C. Kelly at the end of the 20th – beginning of the 21st century.¹⁵

Thus, based on the state of knowledge on the topic, it should be noted that there is no generalizing study of the reformatories for juvenile offenders in Vologda Governorate in the early years of the Soviet rule. The purpose of this article is to conduct a comprehensive study of the issue with the involvement of new archival documents.

The source base of the publication consists of published normative acts and unpublished documents from the State Archive of Vologda Oblast, mainly extracted from the fonds of the Department of Public Education¹⁶ of the Executive Committee of the Vologda Governorate Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies (1918–29).

Main body

The system of charity that had been established in the country was destroyed after the October Revolution of 1917 as a bourgeois relic. The Soviet State took over the organization of activities to overcome homelessness, neglect and juvenile delinquency, which traditionally increased during the years of wars, revolutions and other social upheavals. Decree of the Sovnarkom of the RSFSR no. 223 as of January 9 (22)¹⁷ 1918 “On commissions for minors” made the refusal of the Bolsheviks to institute criminal proceedings against minors. The consideration of cases of persons under the age of 17 with histories of committing socially dangerous acts and the determination of their future fate were entrusted to the commissions that were established under the jurisdiction of the People’s Commissariat of Public Charity.¹⁸

On the basis of this decree, on July 24, 1918, the Governorate Commission on Minors (*Gubkomones*) was organized under the Vologda Governorate Department (*gubotdel*) of Social Security. Later, by the orders of the center, it was repeatedly transferred from one governorate body to another: on September 15, 1918, it became subordinate to the Governorate Department of Public Education, and 2 months later,

¹⁵ A.M. Ball, *And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930* (Berkeley: University of California Press, 1996); C. Kelly, *Children’s world: growing up in Russia, 1890–1991* (New Haven; London: Yale University Press, 2007).

¹⁶ The department was called this way in the period from March 7, 1921 to July 15, 1929; from May 2, 1918 to March 7, 1921, it was called the Department of Public Enlightenment; from March 25 to May 2, 1918, the Culture and Education Department.

¹⁷ Many publications mistakenly indicate the date of adoption of the document as the 14th, which is the date of its publication in no. 8 of *Gazeta vremennogo rabocheho i krest’yanskogo pravitel’sstva* [Newspaper of the Provisional Workers and Peasants’ Government].

¹⁸ *Decrees of the Soviet government* [in Russian], vol. 1, *October 25, 1917 – March 16, 1918* (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1957), 337–38.

to the Governorate Department of Healthcare, where it remained until October 22, 1920.¹⁹

On the initiative and with active participation of the Governorate Commission on Minors, a school and shelter²⁰ for morally defective children²¹ was opened in Vologda (at no.15, ul. Krasnoflotskaya²²) in October 1918.²³ In the correspondence of the Governorate Department of Healthcare concerning the allocation of funds for the maintenance of the school and shelter for morally defective children in the first half of 1919, this institution was referred to as “the shelter for accused and defective underage children”²⁴ and “school and shelter for defective children,” and the village of Kuvshinovo near Vologda was indicated as its location.²⁵ In particular, on March 13, 1919, the School and Medical Subdepartment of the Governorate Department of Healthcare requested the Finance Department of the Governorate Executive Committee (*Gubispolkom*) to make an advance in the amount of 5 thousand rubles for the maintenance of this institution.²⁶

It is noteworthy that during the inspection of social security institutions and orphanages that was conducted in August 1919 by trade union representatives, the juvenile institution in Kuvshinovo was already referred to as children’s home no. 1. The greatest drawback in its work was poor nutrition of children. Keeping records of the children under care was extremely unsatisfactory (about some of them, there was no information at all, except for their name). Special attention was focused on the

¹⁹ “Otchet o deyatel'nosti Gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za 1918–1921 gg.” [Report on the activities of the Governorate Commission on Minors 1918–1921]. F. R-111, op. 1, d. 354, l. 42. Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti [State Archive of Vologda Oblast] (GAVO), Vologda, Russia.

²⁰ “Blank statisticheskikh svedenii po pervichnym uchrezhdeniyam SPON na 01.07.1924 g.” [A form of statistical information on primary institutions for social and legal protection of minors (SPON) as of July 1, 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 5. GAVO.

²¹ This term, which appeared in foreign and native psychological and pedagogical science in the 1910s, replaced the concept “juvenile delinquent” in the Soviet state. It designated a wide category of minors, which included orphans and other pedagogically neglected persons with criminal inclinations and experience.

²² At present, Naberezhnaya IV Armii [Fourth Army Embankment].

²³ In the Report on the Activities of the Governorate Commission on Minors for 1918–1921, a specific date is indicated, October 4, but the institution itself is mistakenly referred to as a probation and supervision station. See F. R-111, op. 1, d. 354, l. 42. GAVO.

²⁴ “Akt ot 18.01.1919, № 150/58” [Statement as of January 18, 1919 no. 150/58]. F. R-5, op. 1, d. 145, l. 1. GAVO; “Otnoshenie ot 13.03.1919 g. № 1163” [Official letter of March 13, 1919 no. 1163]. F. R-5, op. 1, d. 145, l. 6. GAVO.

²⁵ “Otnoshenie ot 13.03.1919 g. № 1163” [Official letter of March 13, 1919 no. 1163]. F. R-5, op. 1, d. 145, l. 6.

²⁶ Ibid.

“unfavorable behavior” of the children, since theft, smoking, and swearing were of regular occurrence there.²⁷

The report of sanitary inspection of the institution for morally deficient children of Vologda, conducted by the members of a special working commission on March 22, 1920, that institution was referred to as “the juvenile shelter for defective children” and its address was recorded as no. 9, ul. Krasnoflotskaya.²⁸ During the inspection, many serious shortcomings in the work of the institution were revealed. For instance, the floor and the wallpaper in the girls’ room were dirty, there were a lot of bedbugs on the walls of all rooms, there were cobwebs in the corners, the toilets were so filthy that it was impossible to get in, and chickens were kept in the rooms of the employees for “their own needs.” There were no washbasins, not enough linen, mattresses (several boys slept on one bed). In addition, no care for sick children was organized. Some children complained that they were beaten, not allowed to go home on vacation, and even if they were allowed to leave, it happened only in exchange for the bread they brought. The only positive fact in the work of the institution, mentioned by the commission, was that “the children were given good food.” To eliminate the shortcomings identified, it was proposed to take “the most drastic measures.”²⁹

The next departmental reassignment of the childcare institutions was connected with the implementation of the Sovnarkom Resolution no. 288 as of February 20, 1919 “On the procedure for the transfer of orphanages and other children’s institutions to the People’s Commissariat of Education.”³⁰ The transfer was ordered to be carried out gradually and until January 1, 1920. But already on May 10, 1919, the Department of the Unified Labor School of the People’s Commissariat of Education of the RSFSR sent a notice to the governorates, according to which all departments of public education were to start organizing subdepartments of social education immediately.³¹

²⁷ “K dokladu gubispolkomu [Doklad t. Golovanova ‘Ob obsledovanii uchrezhdenii sotsial'nogo obespecheniya i detskikh priyutov’, podgotovlennyy k zasedaniyu Vologodskogo gubispolkoma 30.09.1919 g.]” [For the report to the Gubispolkom [Comrade Golovanov’s report ‘On the inspection of social security institutions and orphanages’ prepared for the meeting of the Vologda Gubispolkom on September 30, 1919]. F. R-585, op. 3, d. 38, ll. 48–49 ob. GAVO.

²⁸ “Akt sanitarnogo osmotra chlenami osoboi rabochei komissii detskogo priyuta defektivnykh detei ot 22 marta 1920 g. № 573” [Sanitary inspection report by the members of the special working commission of the orphanage for defective children dated March 22, 1920 no. 573]. F. R-111, op. 1, d. 255, l. 4. GAVO.

²⁹ Ibid.

³⁰ *Collection of statutes and orders of the government for 1919* (Moscow: [n.p.], 1943), 419.

³¹ “Izveshchenie Otdela edinoi trudovoi shkoly Narkomprosa RSFSR ot 10.05.1919 g.” [Notification of the Department of the Unified Labor School of the People’s Commissariat of Education of the RSFSR dated October 05, 1919]. F. R-111, op. 1, d. 120, l. 4. GAVO.

As a result, the section of social education, which was established in 1919 as part of the subdepartment of the Unified Labor School of the Vologda Governorate Department of Education, was reorganized into the subdepartment of childcare in January 1920, as it was assigned the functions of the management of orphanages, fight against homelessness, and legal protection of children.³²

Due to the growth of juvenile delinquency (by 1920, it had increased in comparison “with the pre-revolutionary 1916 by almost 38.5%”³³), the resolution of the Sovnarkom as of March 4, 1920 “On the cases of minors who are accused of socially dangerous actions” restored criminal liability of persons aged between 14 and 18 years in the instances when measures of medical and pedagogical influence on them were recognized as insufficient, and the People’s Commissariat of Education and its subordinate bodies were entrusted with the formation of Commissions on minors. The People’s Commissariat of Education and the People’s Commissariat of Healthcare were also entrusted with the implementation of medical and pedagogical tasks of educating, teaching, and treating morally defective minors who were accused of socially dangerous acts “in appropriate medical and educational institutions to which Commissions on minors send them.”³⁴

To meet the requirements of this document, on April 13, 1920, a telegram from A. Lunacharsky arrived at the Vologda Department of Education. According to the telegram, it was proposed to organize commissions on juvenile affairs in the governorate city and in all uyezds immediately.³⁵ On April 14, this information was conveyed to the Gryazovets, Kargopol, Velsk, Totma, and Kadnikov uyezd departments of education.³⁶

On May 5, 1920, the joint meeting of representatives of the Governorate Commission on Minors under the Governorate Department of Healthcare, the Governorate Department of Education, and Criminal Investigation Department considered the issue concerning the procedure of keeping children who were detained in the street, especially those “from among the criminal elements,” for the time of their preliminary detention during the proceedings of inquiries and “until the Governorate Commission on Minors issues the judgment to the point.” The participants of the meeting noted that a well-equipped “children reception center” and

³² “Otchet o deyatel'nosti Gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za 1918–1921 gg.” [Report on the activities of the Governorate Commission on Minors for 1918–1921]. F. R-111, op. 1, d. 354, l. 38. GAVO.

³³ *Child defectiveness, crime, and homelessness*, 19.

³⁴ S.S. Vilenskii; et al., comps., *Children of the GULAG, 1918–1956* [in Russian] (Moscow: MFD, 2002), 29.

³⁵ “Telegramma A.V. Lunacharskogo ot 13.04.1920 g.” [A telegram from A.V. Lunacharsky as of April 13, 1920]. F. R-111, op. 1, d. 255, l. 2. GAVO.

³⁶ “Otnoshenie gubotdela prosveshcheniya ot 14.04.1920 g.” [Official letter from the governorate department of education of April 14, 1920]. F. R-111, op. 1, d. 255, l. 3. GAVO.

a “children supervision and distribution center” required by the orders from the capital, where children should meet “friendly care” and “an opportunity to feel warm and comfortable, to be dressed, shod and fed,” had not been “organized” in Vologda yet. According to the instructions from the capital and “in the interests of the republic,” from the point of view of “childcare as a future support for the socialist fatherland,” orphanages should be “put first and that issue should not be left open, and all detained children should not be concentrated in one shelter for morally defective children.” The shelter should keep children exclusively in compliance with the decisions of the Governorate Commission on Minors. Therefore, it was decided to submit the issue for “detailed elaboration and implementation” to the collegium of the Governorate Department of Education.³⁷

At a meeting held on May 15, 1920 at the Governorate Department of Education, it was decided to immediately open a supervision and distribution center in Vologda where children “would come from the reception center and stay ... 3–4 days to clarify the issue where they were to be transferred.”³⁸ The participants in the meeting unanimously recognized that the only premises for such a home could be the former Seminary garden,³⁹ “perfectly equipped and adapted,” allotted at that time to a kindergarten for the children of railway workers (on condition that other premises would be provided in return). In the case of “complete impossibility” of transferring the above mentioned garden to the disposal of the Governorate Department of Education, it was proposed to use the building of the Vologda detention house, which could be transferred to the premises of the governorate prison. When presenting the above at the discretion of the presidium of the Governorate Executive Committee, the Governorate Department of Education asked the committee to approve the resolutions of the meeting and also “to make an order” to the Governorate Department of Justice on the organization of a “reformatory for incorrigible recidivist children.”⁴⁰

³⁷ “Zhurnal ob'edinennogo zasedaniya chlenov Vologodskoi gubkomissii o nesovershennoletnikh, obvinyaemykh v obshchestvenno opasnykh deyaniiakh, i defektivnykh detyakh pri gubzdravotdele, s predstaviteliyami ot mestnogo otdela upravleniya i ugolovnogo rozyska 05.05.1920 g.” [Journal of the joint meeting of the members of the Vologda Governorate commission on minors who are accused of socially dangerous acts and defective children under the authority of the governorate health department with representatives from the local management and criminal investigation department on May 5, 1920]. F. R-111, op. 1, d. 255, l. 6. GAVO.

³⁸ “Reshenie soveshchaniya v gubotdele prosveshcheniya ot 15.05.1920 g.” [Decision of the meeting in the governorate department of education on May 5, 1920]. F. R-111, op. 1, d. 255, l. 7-ob. GAVO.

³⁹ The document contains an inaccuracy. In fact, reference is made to *Samarinskii sad* [Samarin Garden] which housed a correctional shelter for juvenile offenders before the revolution.

⁴⁰ “Reshenie soveshchaniya v gubotdele prosveshcheniya ot 15.05.1920 g.” [Decision of the meeting in the governorate department of education on May 5, 1920]. F. R-111, op. 1, d. 255, l. 7-ob. GAVO.

In practice, this decision was not implemented immediately, and the proposal to establish a reformatory was not taken into account. Judging by the statistical data on the development of public education in the governorate as of September 15, 1920, 24 orphanages operated under the jurisdiction of the governorate and uyezd departments of education, servicing 1 628 homeless and defective children.⁴¹ The supervision and distribution center for morally defective children was not mentioned separately.

The establishment of special children's homes (reception centers, distribution centers, and a probation and supervision station for morally defective children) was declared to be the main task of the Governorate Commission on Minors that was formed on October 22, 1920 at the Subdepartment of Childcare of the Governorate Department of Education. "Correction of juvenile delinquents and teaching them skills for a socially useful life"⁴² were proclaimed as the purpose of these institutions.

As of January 1, 1921, the probation and supervision station for morally defective children was already in operation. It contained 42 boys who were placed there mainly for theft and hooliganism.⁴³

At the time when the Section of Legal Protection of Children⁴⁴ was formed (and P. Soldatov was appointed its head 'as a part-time job') in early March 1921 within the structure of the Governorate Department of Education, the following children's homes were already at its disposal: the probation and supervision station and the reception center and the distribution center with 47, 65 and 45 children, respectively.⁴⁵ P. Tarabukin was the head (and was a part-time teacher and educator)

⁴¹ B.M. Preobrazhenskii, "Tasks of the People's Commissariat of Education and statistics of public education in Vologda Governorate" [in Russian], *Statisticheskii vestnik Vologodskoi gubernii*, no. 2 (1920): 11.

⁴² "Otchet o deyatel'nosti Gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za 1918–1921 gg." [Report on the activities of the Governorate Commission on Minors for 1918–1921]. F. R-111, op. 1, d. 354, l. 26. GAVO.

⁴³ "Otchet ispytatel'no-nablyudatel'nogo punkta za yanvar' 1921 g." [Report of the probation and supervision station for January 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 48. GAVO.

⁴⁴ After another reorganization of the central apparatus of the People's Commissariat for Education and the local bodies subordinate to it at the beginning of 1921, the governorate department of education began to be referred to as the governorate department of public education (*gubono*). Within its structure, the governorate department of social education (*Gubsotsvos*) was established and one of the subdivisions of the latter was the subdivision (section) of legal protection of children (which included the department for combating juvenile homelessness and the commission on juvenile affairs).

⁴⁵ "Otchet o deyatel'nosti Vologodskoi gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za mart 1921 g." [Report on the activities of the Vologda Governorate Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 75. GAVO.

of the probation and supervision station. O. Rodnina was the head (and a teacher) of the reception center and the distribution center.⁴⁶

The probation and supervision station was in an acute need for experienced teachers and educators. The absence of the former produced an adverse effect on morally defective children who were left “without systematic schoolwork and without the proper influence of an educator on them” because the employees of the institution (there were three of them) were accustomed to dealing with their charges “in a rude and intemperate way.” In addition, there was a shortage of beds, blankets, sheets and linen, especially when more children arrived, and there was a lack of an isolated classroom for teaching in two groups, provided there were two teachers.⁴⁷ As of June 1, 1921, 77 people were contained in the institution, of whom: 42, for theft; 20, for escapes; 8, for hooliganism; 3, for murder and arson; 2, for speculation; 1, for counterfeiting food ration cards; 6 others.⁴⁸ By early July, the number of children had dropped to 29 (and included two girls).⁴⁹

When the reception and distribution centers were opened in Samarin Garden, repair of the premises was immediately started and electric lighting was installed. By April 1921, the water supply system had been restored, the bathhouse and the kitchen had been repaired, works had been started to furnish the cellar and vegetable storage and to produce the children’s beds.⁵⁰ The situation in the newly opened institutions was critical in terms of the provision of children with linen, bedding, clothing, and shoes. They were not even enough for the first change: the children wore the dirty clothes they had on when they arrived. Upon inspecting the reception center and the distribution center, the Governorate Commission on Minors noted that “the help of the Center is urgently needed”, since “all the measures taken on the spot turned out to be in vain.”⁵¹

Due to the short duration of the children’s stay in the institutions mentioned above, systematic educational work with them was out of the question, but minors should not be idle. It was recommended to engage them in classes mainly of a club

⁴⁶ “Spisok lits, rabotayushchikh po detskoi defektivnosti” [The list of persons working on child defectiveness]. F. R-111, op. 1, d. 433, ll. 76–76-ob. GAVO.

⁴⁷ “Otchet ispytatel'no-nablyudatel'nogo punkta za aprel' 1921 g.” [Report of the probation and supervision station for April]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 93-ob. GAVO.

⁴⁸ “Otchet ispytatel'no-nablyudatel'nogo punkta za iyun' 1921 g.” [Report of the probation and supervision station for April]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 200. GAVO.

⁴⁹ “Otchet ispytatel'no-nablyudatel'nogo punkta za iyul' 1921 g.” [Report of the probation and supervision station for April]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 202. GAVO.

⁵⁰ “Otchet o deyatel'nosti Vologodskoi gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za mart 1921 g.” [Report on the activities of the Vologda Governorate Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 75. GAVO.

⁵¹ “Otchet o deyatel'nosti Vologodskoi gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za mart 1921 g.” [Report on the activities of the Vologda Governorate Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 75-ob. GAVO.

nature: reading, conversations, physical exercises, games, and simple crafts. Through the influence of educators, children were supposed to get new impressions that were significantly different from those they had got before. A special role was assigned to an experienced teacher who

would be able to influence the imagination of a minor, would make them feel the difference between the past and a possible future and would make them want to strive for this future.⁵²

The uyezd commissions on minors (*ukomones*), organized at the same period under the uyezd departments of public education, were charged with the duties related to the establishment of such institutions at the local level. In particular, already in August 1920, the Totma Uyezd Commission on Minors (chairman P. Shkarednyi) started to take actions in order to open a reception center.⁵³ However, as of February 1, 1921, they still had “no correctional, medical, and educational institutions at their disposal due to the complete absence of trained workers and premises.”⁵⁴ According to some information, the reception center in Totma had been opened by May 1921⁵⁵ and according to another, it was open on December 1 of the same year.⁵⁶

As of March 1, 1921, only Kargopol Uyezd Commission on Minors had a reception center under its jurisdiction. It was managed by A. Rudometova. On average, up to 20 children⁵⁷ were there simultaneously. Gryazovets, Kadnikov and Velsk uyezd commissions on minors had no such institutions at their disposal.⁵⁸ The

⁵² Agrikova, “Primary institutions for the social and legal protection of minors,” 38.

⁵³ “Svedeniya o dvizhenii vospitannikov za 1920 g.” [Information about the transfer of the pupils in 1920]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 3. GAVO.

⁵⁴ “Otchet Totemskoi uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za fevral' 1921 g. [Report of the Totma Uyezd Commission on Minors for February 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 58. GAVO.

⁵⁵ “Otchet Totemskoi uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za mai 1921 g.” [Report of the Totma Uyezd Commission on Minors for May 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 165. GAVO.

⁵⁶ “Svedeniya o dvizhenii detei v pervichnykh uchrezhdeniyakh za 1-e polugodie 1924 g.” [Information about the transfer of children in the primary institutions for the 1st half of 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 4. GAVO.

⁵⁷ “Otchet o deyatelnosti Kargopol'skoi uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za mart 1921 g.” [Report on the activities of the Kargopol Uyezd Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, ll. 71, 84. GAVO.

⁵⁸ “Otchet Gryazovetskoj uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za mart 1921 g.” [Report of the Gryazovets Uyezd Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 82. GAVO; “Otchet Kadnikovskoi uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za mart 1921 g.” [Report of the Kadnikov Uyezd Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 95. GAVO; “Otchet Vel'skoi uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za mart

latter of them explained the absence of the center by the imposition of a state of siege in the city and in the area.⁵⁹ Having received information from Kadnikov Uyezd Commission on Minors that as of on April 1, five minors were held at the local detention facility together with adult offenders, the Governorate Commission on Minors demanded that “at least one reception center per uyezd” should be opened at once. And by June, urgent measures had been taken. Although the reception center had not been opened, the commission was allocated two rooms in the teacher’s apartment for the children brought from the uyezds “to the Commission,” where they had to stay under the supervision of the landlord.⁶⁰

In January 1922, the administration of the probation and supervision station addressed the Governorate Education Department with a request to undertake “substantial” repairs in the building of the station, to evict private tenants from the premises occupied by the institution, and to improve the material provision of the children. The latter circumstance was explained by the fact that the number of rations decreased and the number of children periodically increased. Due to the deterioration of nutrition, the number of unauthorized absences and escapes increased “incredibly” and there was a threat that with the onset of warm weather the station would turn into a night shelter. According to the head of this institution, failure to meet these “pressing needs” could lead to disastrous consequences very quickly.⁶¹

It should be noted that in the course of the next in turn restructuring in March–April 1922, the governing bodies of juvenile social education institutions were reorganized again. The Governorate Department of Social Protection and Education received the status of a subdepartment, but the previous name was retained. It included the Department for the Legal Protection of Minors and the Governorate Commission on Minors. In 1923, this structure was renamed and became the Department of Social and Legal Protection of Minors (SPON).⁶²

Due to the presence of a significant number of defective adolescents who did not yield to pedagogical influence on whom the Governorate Commission on Minors was

1921 g.” [Report of the Velsk Uyezd Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 88. GAVO.

⁵⁹ “Otchet Vel'skoi uezdnoi komissii po delam nesovershennoletnikh za mart 1921 g.” [Report of the Velsk Uyezd Commission on Minors for March 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 88. GAVO.

⁶⁰ “Otvét Kadnikovskoi uezdnoi komissii na ukazanie Gubkomones ot 03.06.1921 g.” [The response of the Kadnikov Uyezd Commission to the instruction of Gubkomones dated June 3, 1921]. F. R-111, op. 1, d. 433, l. 204. GAVO.

⁶¹ “Dokladnaya zapiska zav. ispytatel'no-nablyudatel'nym punktom o sostoyanii detdoma 1922 g.” [Memorandum of the head of the probation and supervision station on the state of the children’s home in 1922]. F. R-111, op. 1, d. 565, ll. 2–3. GAVO.

⁶² The last reorganization of the bodies in charge of the juvenile institutions within the period under consideration took place in August 1927, when the Gubsotsvos was transformed into an inspectorate for social education with a department for children’s homes.

in charge, a children's home and reception center for morally defective children was opened in Vologda (at ul. Vtoraya Predtechenskaya and the corner of Zlatoustinskaya naberezhnaya⁶³) on November 1, 1923. The persons from similar institutions who were separated from younger children were the first to be placed there.⁶⁴

As of January 1, 1924, the reception and detention center was mentioned as a detention center for labor education,⁶⁵ and in the information for the second half of the same year submitted on May 8, 1925, as a home for difficult children.⁶⁶ (In both cases, according to the documents, its address was not the one mentioned above but the former Nemirovskaya almshouse in the village of Dyudikova Pustyn.) As of July 1, 1924, the center contained 26 teenagers and 25 teenagers as of January 1, 1925. A total of 84 people went through the institution during this period, including 69 offenders, 3 homeless children, 2 beggars, and 10 others. By their age, the minors were distributed into the following groups: 7–10 years of age, 1 person; 10–14 years of age, 59 persons; 14–16 years of age, 15 persons; 16–18 years of age, 9 persons.⁶⁷

During the period from October 1 to December 31, 1924, The Governorate Commission on Minors transferred 31 people to the home for difficult children.⁶⁸ In April 1925, the institution was reorganized into a children's home under the Department of Social and Legal Protection of Minors with a section for difficult children.⁶⁹

When delivering a report on the work of the commission at the meeting of the presidium of the governorate court on June 10, 1925, M. Chashchin, a representative of the commission, focused on the activities of the reception center, the probation and supervision station, and the children's home under the Department of Social and Legal Protection of Minors. At the same time, special attention was focused on the

⁶³ At the intersection of the present-day Naberezhnaya VI Armii and ulitsa Prilutskaya. The Dudikova Pustyn' was located there.

⁶⁴ "Blank statisticheskikh svedenii po pervichnym uchrezhdeniyam SPON na 01.07.1924 g." [A form of statistical information on primary institutions for social and legal protection of minors (SPON) as of July 1, 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 17. GAVO.

⁶⁵ "Otchet Vologodskogo gubernskogo podotdela SPON o statsionarnykh uchrezhdeniyakh dlya defektivnykh detei na 01.01.1924 g." [Report of the Vologda governorate subdivision of the SPON on stationary facilities for defective children as of January 1, 1924]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 35. GAVO.

⁶⁶ "Svedeniya o dvizhenii detei v pervichnykh uchrezhdeniyakh SPON za 2-e polugodie 1924 g." [Information about the transfer of children in the primary institutions of the SPON for the second half of 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 22. GAVO.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ "Otchet Gubkomones za 4-yu chetvert' 1924 g." [Report of the Gubkomones for the fourth quarter of 1924]. F. R-111, op. 1, d. 960, l. 23-ob. GAVO.

⁶⁹ "Otnoshenie Gubkomones v Gubsotsvos SPON ot 18.06.1925 g." [Official letter of the Gubkomones to the Gubsotsvos of the SPON dated June 18, 1925]. F. R-111, op. 1, d. 960, l. 58-ob. GAVO.

“impossible conditions” that existed in the children’s home which was “undergoing the period of organization.” It was noted that many of the children did not want to work but expressed their desire to work only in words; at the meetings of the commission, some of the children showed their disgust for physical work with statements like “We are not workers for you.” As an example, the fact was cited that when some children volunteered to clear up litter in the yard of the institution, the opponents of the work began to order them to stop with various gestures. Obeying the will of the leaders, they stopped working in fear of revenge in the form of physical violence on their part. As a result, “taking into account the presence of difficult children,” the work of the personnel of the institution was recognized as extremely difficult and assessed as satisfactory.⁷⁰

In the period between January 1 and September 1, 1923, the number of charges of the Vologda probation and supervision station for morally defective children designed for 50 places increased from 25 to 49.⁷¹ They were divided into two groups: literate and illiterate. For the first group, classes were held according to the curriculum of the eight-year school (18 hours a week). The institution was equipped with a carpentry workshop where 10 people worked. The educators talked to their charges, taught them reading, music, gymnastics, and drama. The teachers and five charges staged the play *The Proposal* by A. Chekhov; all children took part in the New Year’s performance *New Year’s Tree*. The educators took their charges on excursions to the local museums, to an exhibition of Vologda artists, et al. The doctor and Komsomol members gave talks on scientific topics. The institution had a library, which contained 2 500 books. The teachers’ council was established and its meetings convened as often as “issues to be solved accumulated.” 30 meetings were held during the period mentioned above.⁷²

On November 3, 1924, the institution began to take in mentally retarded children.⁷³ The total number of minors held there during 1924 was 123 people (106 boys and 17 girls), of which 119 were brought in by the Governorate Commission on Minors. The reasons for the admission of children to the institution were as follows: 57 were taken in for offenses; 56 were homeless; 6 escaped from the

⁷⁰ “Vypiska iz zhurnala prezidiuma gubsuda ot 10 iyunya 1925 g.” [Extract from the journal of the presidium of the governorate court dated June 10, 1925]. F. R-111, op. 1, d. 960, l. 59. GAVO.

⁷¹ “Statisticheskie svedeniya po Vologodskomu ispytatel'no-nablyudatel'nomu punktu dlya moral'no-defektivnykh detei za period s 1 yanvarya po 1 sentyabrya 1923 g.” [Statistical information on the Vologda probation and supervision station for morally defective children for the period from January 1 to September 1, 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 21. GAVO.

⁷² Ibid., ll. 22–22 ob.

⁷³ “Blank statisticheskikh svedenii po pervichnym uchrezhdeniyam SPON na 01.07.1924 g.” [A form of statistical information on the primary institutions of the SPON as of July 1, 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 5. GAVO.

children's homes of ordinary type; 4 turned themselves in. As of January 1, 1924, there were 47 children (including six girls) at the probation and supervision station; as of January 1, 1925, 21 boys.⁷⁴ It should be noted that in the documents of the Governorate Education Department for 1925, the institution was already listed as a probation and supervision station for mentally retarded children.⁷⁵

By 1923, the reception center and the distribution center had been united and functioned as the governorate reception center, which was located in the former Bishop's house on Cathedral Square in Vologda. In the period between April 13 and September 1, the number of inmates decreased from 122 people (83 boys and 39 girls) to 63 (28 boys and 35 girls). During that time, 325 children arrived and 384 left. Depending on their age, the charges were divided into 4 groups: from 3 to 7 years old; from 8 to 9 years old; from 10 to 12 years old; 13 year of age and older. However, due to the frequent change of contingent, there was no stability in the composition of the groups. For the same reason, there were no regular classroom lessons. There were no recorded cases of unauthorized absences of children from the institution. In order to teach the charges labor skills, a carpentry workshop was equipped at the reception center. Due to the lack of free premises, it was not possible to open shoemaking or bookbinding workshops despite the availability of the necessary tools for them. The teachers of the institution conducted engaged their charges in various activities: conversations, reading, games, singing, and gymnastic exercises. However, there was no definite timetable. In addition, two performances with concert numbers were staged under the guidance of the educators, and excursions to the surrounding area were taken in order to "familiarize with nature." The institution had a small library containing 141 books, of which 65 were textbooks and 73 were fiction.⁷⁶

As of June 1, 1924, the reception center in Vologda was located at the address of no. 38, ul. Chernyshevskogo.⁷⁷ It contained 58 people (39 boys and 19 girls) and as of January 1, 1925, 48 people (28 boys and 20 girls). In total, 308 children (216 boys

⁷⁴ "Svedeniya o dvizhenii detei v pervichnykh uchrezhdeniyakh za 1924 g." [Information about the transfer of children in primary institutions for 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 6. GAVO.

⁷⁵ "Otchet o deyatelnosti Vologodskogo gubkomissii po delam nesovershennoletnikh, obvinyaemykh v obshchestvenno-opasnykh deyaniiakh za 1925 g." [Report on the activities of the Vologda governorate commission on the minors who were accused of socially dangerous acts in 1925]. F. R-111, op. 1, d. 1120, l. 33. GAVO.

⁷⁶ "Statisticheskie svadeniya po detskomu domu 'Gubernskii priemnik-raspredelitel' za period s 13 aprelya po 1 sentyabrya 1923 g." [Statistical information on the children's home 'Governorate Reception Center' for the period from April 13 to September 1, 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, ll. 1-1-ob. GAVO.

⁷⁷ It was possible to establish the capacity limit of the institution only as of November 1, 1925. It was 50 people. See "Otchet o rabote Gubkomones s iyunya po oktyabr' 1925 g." [Report on the work of Gubkomones from June to October 1925]. F. R-111, op. 1, d. 1120, l. 6-ob. GAVO.

and 92 girls) went through this institution in the second half of 1924; 110 of them, for offenses (109 boys and 1 girl). Homeless children (132 persons, 115 boys and 17 girls respectively) constituted the largest part of the contingent.⁷⁸ During that period, 16 boys were transferred from the reception center to the home for difficult children.⁷⁹ As of June 1, 1926, there were 40 children in the reception center (17 boys and 23 girls); as of July 1, only 30 (14 boys and 16 girls).⁸⁰

In the period from January 1 to September 1, 18 children of 7 to 15 years of age (17 boys and 1 girl) went through the Totma reception center, which had a capacity limit of 10 people and by 1923 had been “almost equipped,” although there was a lack of necessary clothes and footwear for the children.⁸¹ There was no division into groups, since no more than 3 people were held there at the same time. Through the efforts of the educator, the children learned to read and write, articles of different content were read to them, and discussions about what they read were held; they also engaged in free drawing and in physical labor (they cleaned the premises, cleared up litter in the yard, etc.). Classes were held daily, but their exact number was not determined, since teacher’s work was not paid in money (but the teacher lived in the flat provided by the employer free of charge). Due to the small number of children and the short duration of their stay in the institution, the question of opening workshops was not raised. Educational activities were limited to conversations with charges on various topics at their will.⁸²

As of June 1, 1924, 18 people (15 boys and 3 girls) were held in this institution, including 3 offenders, 5 homeless children, 7 beggars and 3 who had turned themselves in. 15 children were aged from 10 to 14; 2, from 14 to 16; 1, under 7.⁸³

In 1923, a reception center for children with all types of defectiveness was opened in Gryazovets in the premises of the reception center for starving children of the Volga region that was established in 1921 and repurposed into a reception center

⁷⁸ “Svedeniya o dvizhenii detei v pervichnykh uchrezhdeniyakh za 2-e polugodie 1924 g.” [Information about the transfer of children in the primary institutions for the second half of 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, l. 19. GAVO.

⁷⁹ Ibid., l. 19-ob.

⁸⁰ “Svedeniya o dvizhenii vospitannikov detdomov g. Vologdy na iyun' 1926 g.” [Information about the transfer of children from Vologda children’s homes in June 1926]. F. R-111, op. 2, d. 534, l. 266. GAVO.

⁸¹ “Statisticheskie svedeniya po Totemskomu priemniku-raspredelitel'yu za period s 1 yanvarya po 1 sentyabrya 1923 g.” [Statistical information on the Totma reception center for the period from January 1 to September 1, 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, ll. 6–6-ob. GAVO.

⁸² Ibid., l. 7.

⁸³ “Svedeniya o dvizhenii detei v pervichnykh uchrezhdeniyakh za 1-e polugodie 1924 g.” [Information about the transfer of children in primary institutions for the first half of 1924]. F. R-111, op. 1, d. 970, ll. 4–4-ob. GAVO.

for homeless children in 1922.⁸⁴ 72 persons aged from 4 to 15 went through it during the year.⁸⁵ The main task of the institution was to identify the individual characteristics of a child within 2–3 weeks and to determine the place of their further stay. Due to the short-term presence of minors in the reception center, no school classes were held for them; there was no library. Extracurricular work consisted in reading and retelling what was read. Socio-political education consisted in talks about revolutionary holidays, participation in demonstrations on holiday occasions, decoration of the building inside and outside, and learning revolutionary songs. Due to the absence of workshops in the institution, the labor principle underlying its activities was implemented in the self-service of the charges, who cleaned the rooms themselves, brought water and firewood, tended the garden, and worked in the kitchen garden. Physical education included outdoor games with all kinds of gymnastic figures. Artistic and cultural skills of the charges were developed by decorating the walls and clothes, choral singing, collective drawing and drama classes. The only measures applied to the contingent of the institution were those of moral influence.⁸⁶

It should be noted that in the second half of 1926 and later, reception centers were not mentioned in the documents as special juvenile institutions subordinate to the Vologda Governorate Department of Public Education.⁸⁷

In addition, there was a school for defective children with the capacity limit of 30 people, established on October 22, 1920 in the territory of Gryazovets Uyezd, in Rostilovo Volost in the premises of the former Kornilievo-Komelsky Monastery. As of January 1, 1923, there were 18 children there (12 boys and 6 girls), and by October 1 their number had increased to 31 (21 boys and 10 girls) of 3 to 18 years of age.⁸⁸ The charges were divided into three groups depending on the degree of their literacy. The daily routine in the institution was organized as follows: 7.00 – wake up; after that – clean the premises, carry firewood, other household chores; 8.30 – breakfast; 9.00–14.00 – classroom lessons; 14.00 – lunch; after that – walk, heat furnaces, play games, etc.; 16.00 – tea and classroom conversations until dinner at 20.00; 20.30 – lights out. In the summer, the children were busy in the field and in the vegetable

⁸⁴ “Godovoi otchet detdoma ‘Priemnik’ za 1923 g.” [Annual report of the Priemnik children’s home for 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 45. GAVO.

⁸⁵ “Godovoi otchet detdoma ‘Priemnik’ za 1923 g.” [Annual report of the Priemnik children’s home for 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 46. GAVO.

⁸⁶ Ibid., ll. 46-ob.–47-ob.

⁸⁷ They were either closed or transferred to the jurisdiction of People’s Commissariat of Communication Routes.

⁸⁸ “Statisticheskie svedeniya po Komel'skoi shkole-detdomu dlya defektivnykh detei za period s 1 yanvarya po 1 oktyabrya 1923 g.” [Statistical information on the Komel children’s home and school for defective children for the period from January 1 to October 1, 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 26. GAVO.

garden all day long. There were no workshops and no library in the institution. Club activities with the charges were represented by conversations and “dramatizations” on various topics. The charges performed in plays, recited poems and fables, sang songs, and acted in stage plays on holidays dedicated to May 1 and June 1 (on the occasion of the end of the school year.)⁸⁹ The latest identified mention of this institution is dated January 1, 1924.⁹⁰

In June 1925, it was decided to transfer the home for difficult children under the Department of Social and Legal Protection of Minors from Vologda to Kamenny Island on Kubenskoe Lake to be housed in the residential premises of the Spaso-Kamenny Monastery, which had been closed down and allotted to the Governorate Department of Public Education. The “transfer” of this institution (its official address was registered as the village of Ustye, Kadnikov Uyezd, Vologda Governorate) to the island

was dictated by the desire of the Vologda governorate authorities to isolate juvenile offenders from the influence of the street.⁹¹

Children were brought there in July 1925, and on the night of September 1–2 of the same year, a fire broke out in the territory of the former monastery⁹² and inflicted serious damage on its buildings.⁹³ It should be noted that the information that the children were urgently removed from the island after the fire,⁹⁴ which can be found in several publications, has not been confirmed by archival documents.

⁸⁹ “Statisticheskie svedeniya po Komel'skoi shkole-detdomu dlya defektivnykh detei za period s 1 yanvarya po 1 oktyabrya 1923 g.” [Statistical information on the Komel children’s home and school for defective children for the period from January 1 to October 1, 1923]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 26-ob.–27. GAVO.

⁹⁰ “Otchet Vologodskogo gubernskogo podotdela SPON o statsionarnykh uchrezhdeniyakh dlya defektivnykh detei na 01.01.1924 g.” [Report of the Vologda governorate subdivision of the SPON on stationary facilities for defective children as of January 1, 1924]. F. R-111, op. 1, d. 740, l. 35. GAVO.

⁹¹ “Protokol zasedaniya pedsoвета detdoma pri SPON ot 10–11.12.1925 g.” [Minutes of the meeting of the teachers’ council of the children’s home under the SPON dated December 10–11, 1925]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 30. GAVO.

⁹² “Doklad o sostoyanii detdoma pri SPON ot 15.10.1925 g.” [Report on the condition of the children’s home under the SPON as of October 15, 1925]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 6. GAVO.

⁹³ “Spaso-Kamennyi Monastery: Lake Kubenskoe” [in Russian], in *Russian monasteries: North and North-West of Russia: Pskov, Novgorod, St Petersburg, Vologda, Petrozavodsk, Syktyvkar, Arkhangelsk, Murmansk dioceses* (Novomoskovsk: Ocharovannyi strannik, 2001), 437.

⁹⁴ M. Kotin, “On a desert island” [in Russian], *Nezavisimaya Gazeta*, January 16, 2002; N.A. Belova, *Regional aspects of the penitentiary system of Russia (based on the materials of the Vologda region): a lecture course* [in Russian] (Vologda: VIPE FSIN of Russia, 2013), 85; et al.

Judging by the materials of the report on the state of the children's home under the Department of Social and Legal Protection of Minors dated October 15, 1925, after the fire, the charges (17 boys aged 10 to 17) and the employees (6 people: the head, two educators, a cook, a cleaner and a janitor) were transferred to a two-story wooden building in the territory of the monastery, which had six rooms, two kitchens with Russian stoves, two plank closets, and two toilets. There was no dining room, rooms for school classes, workshops or a club. Classes with the charges were not held, "and they were unthinkable under such conditions."⁹⁵

The staff of the institution, headed by A. Shaizhin, considered the condition of the premises as of October 15, 1925 "very unsuitable for a children's home." That's why they asked the Governorate Department of Public Education to transfer the institution to another place, namely to the former Semigorodnaya Pustyn, which was located 60 versts from Vologda, not far from the Semigorodnaya railway station of the Arkhangelsk railway. The children's home of the Kadnikov Uyezd Department of Education, which had been transferred to the village of Ustye, vacated the premises of the pustyn.⁹⁶

The issue of transferring the children's home from the former Spaso-Kamenny Monastery was not resolved. Due to the fact that the Governorate Commission on Minors and the uyezd commissions on minors continued to send difficult children there, the administration of the institution requested the governorate authorities to take measures to expand it. The governorate prosecutor took the issue under his control and in response to his request, on March 11, 1926, the Governorate Department of Social and Legal Protection of Minors reported that it did not have sufficient funds for those purposes, but was doing everything possible so as not to send new charges to the island. The prosecutor was also informed that the Vologda Governorate Department of Public Education was allocated only 10 places for difficult teenagers at the Arkhangelsk Institute of Social Re-Education, which had already been filled at that time. In addition, the Department of Social and Legal Protection of Minors informed the provincial prosecutor that

the children's home is supposed to be transferred to one of the state farms and to be reorganized into a labor colony,

but at the same time, it was emphasized that

⁹⁵ "Doklad o sostoyanii detdoma pri SPON ot 15.10.1925 g." [Report on the condition of the children's home under the SPON as of October 15, 1925]. F. R-111, op. 1, d. 1138, ll. 6–6-ob. GAVO.

⁹⁶ *Ibid.*, l. 7-ob.

it is difficult to find the most suitable teacher to work with difficult children because of the lack of funding to increase salaries.⁹⁷

On March 16, 1926, the issue of a juvenile colony for difficult children was considered at a meeting of the presidium of the governorate executive committee. As a result, the proposal for its urgent organization was accepted.⁹⁸ On March 24 of the same year, due to the liquidation of the orphanage in the former Spaso-Kamenny Monastery, the governorate Department of Social and Legal Protection of Minors addressed the Ustye volost executive committee of Kadnikov Uyezd with the request to assign a representative to accept the premises of the institution that was being liquidated.⁹⁹

On March 29, 1926, the joint meeting of the representatives of the Governorate Department of Public Education, the governorate administration, and the governorate prosecutor's office, in coordination with the governorate executive committee, it was decided to "immediately start organizing a labor commune for difficult children for 50 people, using the premises of the former Zaonikievsky monastery."¹⁰⁰

The meeting decided that the children's home to be established should be of the open type (similar to the homes for difficult children under the People's Commissariat of Education), and the charges should be sent there only on the basis of the resolutions of the governorate and uyezd commissions on minors. Regarding the "organization of a special closed section of the colony," it was recognized that "the issue was a special legal case" and it was decided to transfer it to the governorate prosecutor's office for "additional study."¹⁰¹ It was also reported at the meeting that on March 28 a meeting of the Governorate Commission on Minors was held. The meeting "confirmed the urgent need to organize a juvenile colony for difficult children and outlining a number of measures in this regard."¹⁰² In addition, it was

⁹⁷ "Otvét otdeleniya SPON gubono gubprokuroru ot 11.03.1926 g." [The reply of the SPON Gubono department to the prosecutor dated March 11, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 50. GAVO.

⁹⁸ "Soobshchenie gubono v prezidium GIK ot 29.03.1926 g." [Gubono's message to the Presidium of Governorate Executive Committee dated March 29, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 56. GAVO.

⁹⁹ "Otnoshenie zam. zav. SPON gubono v Ust'yanskii VIK Kadnikovskogo uezda ot 24.03.1926 g." [Official letter of the deputy head of the SPON Gubono to the Ustye volost executive committee of Kadnikov Uyezd of March 24, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 55. GAVO.

¹⁰⁰ "Soobshchenie gubono v prezidium GIK ot 29.03.1926 g." [Gubono's message to the Presidium of Governorate Executive Committee dated March 29, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 56. GAVO.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid.

stated that the premises of the Zaonikievsky Monastery were vacated (the children's home moved out) and it was necessary to move 13 children from the former Spaso-Kamenny Monastery on the island on Kubenskoe Lake to the newly organized colony "in view of the approaching flood."¹⁰³

As of April 14, 1926, the labor colony for difficult children was already functioning.¹⁰⁴ According to the acceptance certificate for the property of the former Zaonikievsky children's home dated April 7, 1926, the head of the colony was G. Bodukhin.¹⁰⁵

It is noteworthy that from February 1926, the Vologda Governorate Department of Public Education and the Severodvinsk Governorate Department of Public Education were in correspondence about the possibility of admitting juvenile offenders to this institution because there were no specialized juvenile institutions for confining them in that governorate.¹⁰⁶ Consent to send 7 teenagers by the next steamer was given on April 14, with the establishment of a fee for the maintenance of each of them in the amount of no less than 230 rubles per year.¹⁰⁷

Due to the fact that in the summer of 1926, only 15 persons were contained in the Zaonikievsky colony with a capacity limit of 50 places, in order to "bring the institution to full load," on July 12, the Governorate Department of Public Education sent out information about vacant places for boys of 11 to 13 years of age. 16 places were allocated to five uyezd departments of education (Velsk and Kargopol, 5 each; Totma, 3; Vologda, 2; Kargopol, 1) and Sverdlovsk¹⁰⁸ Raion Department of Public

¹⁰³ "Soobshchenie gubono v prezidium GIK ot 29.03.1926 g." [Gubono's message to the Presidium of Governorate Executive Committee dated March 29, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 56. GAVO.

¹⁰⁴ "Zayavlenie V.A. Krasil'nikova o prieme na rabotu dvornikom v koloniyu gubono s 14.04.1926 g." [Job application form of V.A. Krasilnikov for the position of a yard cleaner at the gubono colony as of April 14, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 58. GAVO.

¹⁰⁵ "Akt o priemke imushchestva byvshego Zaonikievskogo detdoma ot 7 aprelya 1926 g." [Acceptance certificate for the property of the former Zaonikievskii children's home dated April 7, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 65. GAVO.

¹⁰⁶ "Telegramma iz Severo-Dvinskogo gubono ot 08.02.1926 g." [Telegram from the Severodvinsk gubono dated February 8, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, ll. 59–59-ob. GAVO.

¹⁰⁷ "Otvét Vologodskogo gubono na zapros iz Severo-Dvinskogo gubono ot 14.04.1926 g." [Reply of the Vologda gubono to the inquiry from the Severodvinsk gubono of April 14, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 61. GAVO.

¹⁰⁸ Sverdlovsk (officially, Sverdlovsko-Sukhonskii) Raion was created by the decision of the Vologda Governorate Executive Committee in November 1923 and comprised Arkhangelsk, Borovets and Olarevo volosts of Vologda Uyezd and three factory settlements – Sokol, Pechatkin, and Malyutino. In 1924, Gribovsk and Kokoshilovo volosts of Kadnikov Uyezd were included in the raion. The decision to create the raion was not approved by the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR, and in 1928 this territory was included in Kadnikov Uyezd under the name of Sverdlovsk Volost. See V.A. Sablin, "Our region as part of the Russian state (History of the formation of the territory and administrative changes in the Vologda region)" [in Russian], in

Education was allocated 2 places. It was prescribed to send teenagers to the colony by September 1 of the same year. It was reported that the colony had a four-year school, a plot of land (5 dessiatinas [54 600 sq.m.] of arable land and haymaking), a shoemaker's workshop had been organized and a tailor's workshop was being prepared for opening.¹⁰⁹

Following the prescription, 12 people were sent to the colony in August 1926: 3 charges from the Totma children's homes; 3 from the Velsk Pioneer commune; 5 from the Kargopol children's home "School Commune."¹¹⁰ As of October 1 of the same year, 38 boys were contained in the colony, and by January 1, 1927, their number had reached 40.¹¹¹

In the period from July to October 1926, the Governorate Commission on Minors, which considered the cases of juvenile delinquents, made decisions on placing 9 people in the Zaonikievsky colony, 12 more difficult teenagers were to be sent to the Arkhangel'sk Institute of Social Re-Education on its initiative.¹¹²

On September 5–6, 1926, the colony was visited by E. Obraztsova, a doctor. Her report was sent to the Department of Social and Legal Protection of Minors and copied into the visitors' book of the institution. The doctor, who had not seen the children for a year and a half, stated that they "grew up and matured" and pointed out "shifts in moral and intellectual respect." Obraztsova also wrote that "the older children feel in charge of the younger ones, warn them against bad habits, and even by their own example; slackness, imitation is not felt." The doctor's text ended with the words: "I shake hands with the head and the children, and let all the wishes

News of the Vologda Society for the Study of the Northern Krai, is. 14, *Materials of scientific and practical regional contests for schoolchildren in regional studies 'Peace through culture'* (Vologda: Legia, 2005), 139.

¹⁰⁹ "Vsem UONO i RONO: otnoshenie gubono ot 12.07.1926 g." [To all uyezd education departments and raion education departments: the official letter of the governorate education department dated July 12, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1138, ll. 6–6-ob., 132. GAVO.

¹¹⁰ "Otnoshenie Totem'skogo uono ot 14.08.1926 g." [Official letter of the Totma uyezd education department dated August 14, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1120, l. 138. GAVO; "Otnoshenie Vel'skogo uono ot 28.08.1926 g." [Official letter of the Velsk uyezd education department dated August 28, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1120, l. 139. GAVO; "Otnoshenie Kargopol'skogo uono ot 14.08.1926 g." [Official letter of the Kargopol uyezd education department dated August 14, 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1120, l. 146. GAVO.

¹¹¹ "Svedeniya o dvizhenii vospitannikov detdomov g. Vologdy na oktyabr' 1926 g." [Information about the transfer of children in Vologda children's homes in October 1926]. F. R-111, op. 2, d. 534, ll. 535, 562. GAVO.

¹¹² "Otchet o deyatelnosti Gubernskoi komissii o nesovershennoletnikh za 3-yu chetvert' 1926 g." [Report on the activities of the Governorate Commission on Minors for the third quarter of 1926]. F. R-111, op. 1, d. 1120, l. 193-ob. GAVO.

expressed in saying goodbye to them be made a reality.”¹¹³ Of course, based on this extract, it would be a mistake either to exaggerate or to completely ignore the positive results the staff of the institution achieved in the re-education of their charges.

At the time when Vologda Governorate was liquidated and transformed into Vologda Raion of the Northern Krai in 1929, the Zaonikievsky juvenile colony for difficult children remained the only institution for the detention of juvenile offenders under the jurisdiction of the Governorate Department of Public Education.

Conclusion

Summarizing the above, it can be argued that the history of juvenile reformatories in Vologda Governorate in 1918 – the 1920s reflected the Bolsheviks’ national policy pursued at the regional level that was aimed at combating homelessness, neglect and juvenile delinquency, developing effective measures to eradicate and prevent these negative phenomena, and searching for an optimal model of an institution for correcting difficult adolescents.

As the analysis showed, the central government did not take into account regional opportunities and resources when creating a network of these institutions. The difficulties that took place during the process of their organization and functioning in Vologda Governorate were typical for other provincial regions of the country. The most serious difficulties included the diverse specialization of juvenile reformatories, frequent reorganizations and unjustified transfers from one place to another, shortage of personnel, supply and funding on leftovers, unsatisfactory sanitary and hygienic condition of these institutions, et al. In practice, they complicated the solution of educational tasks and did not improve the conditions of children. At the same time, during the period under review, despite all drawbacks caused largely by the difficult economic situation in the country as a whole and at the local level in particular (under the conditions of total shortage of even the essential necessities), a lot was done to solve the problems related to juvenile delinquency.

Список литературы

Агрикова Е.И. Первичные учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних // Детская беспризорность: (предупреждение и борьба с ней): сборник статей. Москва: Красная новь, 1923. С. 36–42.

Бендер Е.А. Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 26 с.

¹¹³ “Копия записи Е. Образтсовой в книге посетители трудової колонии от 06.09.1926 г.” [A copy of E. Obratsova’s entry in the visitors’ book of the labor colony dated September 6, 1926] F. R-111, op. 1, d. 1138, l. 169-ob. GAVO.

Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми: сборник статей и материалов / под редакцией В.Л. Швейцер, С.М. Шабалова. Москва: Главсоцвос; Наркомпрос, 1925. 215 с.

Богуславский М.С. Дети улицы. Москва; Ленинград: Госиздат, 1927. 80 с.

Гедько М.И. Государственная социальная политика в отношении детей: опыт и уроки 1920-х гг. (на материалах Москвы и Московской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный социальный университет, 1998. 23 с.

Герасимова Г.Г. Борьба Коммунистической партии и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) (На материалах Московской и Ленинградской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, 1971. 26 с.

Гербеев Ю.В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (историко-педагогическое исследование): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1969. 34 с.

Гришаков Н.П. Детская преступность и борьба с нею путем воспитания. Орел: Госиздат, 1923. 73 с.

Декреты Советской власти: сборник: в 2 т. Т. 1: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. 625 с.

Дети ГУЛАГа, 1918–1956 / составители С.С. Виленский; и др. Москва: МФД, 2002. 628 с.

Детская дефективность, преступность и беспризорность: по материалам I съезда деятелей по борьбе с детской дефективностью, преступностью и беспризорностью. Москва: Госиздат, 1922. 100 с.

Детская беспризорность и детский дом: сборник статей и материалов II Всерос. съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков. Москва: Отдел СПОН, 1926. 240 с.

Жаркова А.А. Исторический опыт борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке России: 20-е–30-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Дальневосточный государственный гуманитарный университет. 25 с.

Зензинов В.М. Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929. 318 с.

Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. Москва; Ленинград: Московский рабочий, 1928. 109 с.

Колокольникова З.У., Подлесная Н.В. Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1–1. С. 136–140.

Кривенко Т.Д. Специальные воспитательные учреждения и их роль в перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1970. 18 с.

Кускова Е.Д. Беспризорная Русь // Современные записки. 1929. С. 527–538.

Куфаев В.И. Юные правонарушители. Москва: Новая Москва, 1924. 238 с.

Материалы ко второму Всероссийскому съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов 26 ноября 1924 г. Москва: [б. и.], 1924. 176 с.

Маслова О.Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы (на материалах Ставрополя и Терека): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорский государственный технологический университет, 2010. 26 с.

Познышев С.В. Детская беспризорность и меры борьбы с ней. Москва: Новая Москва, 1926. 136 с.

Первый Всероссийский съезд по охране детства 2–8 февраля 1919 г. Москва: НКСО, 1920. 96 с.

Пундяков А.С. Социально-педагогическая защита детей-сирот и беспризорников на Вологодчине в 1920–1930-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: История и археология. 2011. Т. 1, № 2. С. 128–131.

Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134–139.

Рябинина Н.В. Морально дефективные – кто они? К истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // Век нынешний, век минувший: сборник. Ярославль: ЯрГУ, 1999. С. 56–65.

Сажина И.С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921–1928 гг.: На материалах Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2003. 25 с.

Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самарский государственный университет, 2011. 43 с.

Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.

Смирнова Т.М. Детские дома и трудовые колонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 16–38.

Сычева Н.С. Становление и функционирование основных типов учебно-воспитательных учреждений для беспризорных детей и подростков в 1920-е годы (архивные материалы Дона) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 2. С. 59–66.

Хмыров А.Н. Охрана детства и профилактика беспризорности в Петрограде в 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1980. 24 с.

Шилова О.М., Пундяков А.С. Региональные условия развития практики социально-педагогического обеспечения детей в 20-е годы XX века в Вологодской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15, № 1. С. 259–262.

Щербинин П.П., Шкунова И.А. «Ты дефективный или аморальный?». Проблемы селекции и социализации «морально-дефективных» детей в 20-е гг. XX века в советской России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 181. С. 173–184.

Ball A.M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1996. 335 p.

Kelly C. Children's world: growing up in Russia, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 714 p.

Weitz S. Verwahrlosung, Delinquenz und Resozialisierung minderjähriger in der Sowjetunion: Zur Geschichte eines sozialpädagogischen Problems, dargestellt am Beispiel der Russischen Sowjetrepublik, 1917–1935. Marburg a. d. Lahn: Verlags- und Vertriebsgemeinschaft, 1978. 500 p.

References

- Agrikova, E.I. “Pervichnye uchrezhdeniya sotsial'no-pravovoi okhrany nesovershennoletnikh” [Primary institutions of social and legal protection of minors]. In *Detskaya besprizornost': (preduprezhdenie i bor'ba s nei): sbornik statei* [Juvenile homelessness: (prevention and fight against it): a collection of articles]. Moscow: Krasnaya nov', 1923. (In Russian)
- Ball, A.M. *And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930*. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Bender, E.A. *Bor'ba s besprizornost'yu i beznadzornost'yu nesovershennoletnikh v RSFSR v 1920–1930-e gg. (na materialakh Leningrada i Leningradskoi oblasti* [Fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s – 1930s (based on the materials from Leningrad and Leningrad Oblast)]. PhD thesis. Saint Petersburg State University, 2015. (In Russian)
- Boguslavskii, M.S. *Deti ulitsy* [Children of the street]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. (In Russian)
- Dekrety Sovetskoï vlasti: sbornik* [Decrees of the Soviet government]. 2 vols. Vol. 1, 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. [October 25, 1917 – March 16, 1918]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. (In Russian)
- Detskaya besprizornost' i detskii dom: sbornik statei i materialov II Vseros. s"ezda SPON po voprosam detskoï besprizornosti, detskogo doma i pravovoi okhrany detei i podrostkov* [Child homelessness and the children's home: materials of the Second All-Russian Congress for Social and Legal Protection of Minors]. Moscow: Otdel sotsial'no-pravovoi okhrany nesovershennoletnikh, 1926. (In Russian)
- Detskaya defektivnost', prestupnost' i besprizornost': po materialam I s"ezda deyatelei po bor'be s detskoï defektivnost'yu, prestupnost'yu i besprizornost'yu* [Child defectiveness, crime, and homelessness: the materials of the First congress of the activists involved in the fight against child defectiveness, crime, and homelessness]. Moscow: Gosizdat, 1922. (In Russian)
- Ged'ko, M.I. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika v otnoshenii detei: opyt i uroki 1920-kh gg. (na materialakh Moskvy i Moskovskoi gubernii)* [State social policy in relation to children: experience and lessons of the 1920s (based on the materials from Moscow and Moscow Governorate)]. PhD thesis. Moscow State Social University, 1998. (In Russian)
- Gerasimova, G.G. *Bor'ba Kommunisticheskoi partii i Sovetskogo pravitel'stva s detskoï besprizornost'yu v period vosstanovleniya narodnogo khozyaistva (1921–1925 gg.) (Na materialakh Moskovskoi i Leningradskoi gubernii)* [The fight of the Communist Party and the Soviet government against juvenile homelessness during the restoration of the national economy (1921–1925) (Based on the materials from the Moscow and Leningrad governorates)]. PhD thesis. V.I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute, 1971. (In Russian)
- Gerbeev, Yu.V. *Ispravitel'nye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushitelei (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie* [Reformatories for juvenile offenders (historical and pedagogical research)]. PhD thesis. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1969. (In Russian)
- Grishakov, N.P. *Detskaya prestupnost' i bor'ba s neyu putem vospitaniya* [Juvenile delinquency and the fight against it by means of education]. Orel: Gosizdat, 1923. (In Russian)
- Kalinina, A.D. *Desyat' let raboty po bor'be s detskoï besprizornost'yu* [Ten years of work to combat juvenile homelessness]. Moscow; Leningrad: Moskovskii rabochii, 1928. (In Russian)
- Kelly, C. *Children's world: growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven; London: Yale University Press, 2007.

Khmyrov, A.N. “Okhrana detstva i profilaktika besprizornosti v Petrograde v 1917–1920 gg” [Child protection and prevention of homelessness in Petrograd in 1917–1920]. PhD thesis. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1980. (In Russian)

Kolokol'nikova, Z.U., and N.V. Podlesnaya. “Uchrezhdeniya sotsial'nogo vospitaniya dlya moral'no-defektivnykh detei v Prieniseiskoi Sibiri v 20–30-e gody XX veka” [Institutions for social education of morally defective children in Yenisei Siberia in the 1920s–1930s]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, no. 1–1 (2015): 136–40. (In Russian)

Krivenko, T.D. *Spetsial'nye vospitatel'nye uchrezhdeniya i ikh rol' v perevospitanii nesovershennoletnikh pravonarushitelei* [Special educational institutions and their role in the re-education of juvenile offenders]. PhD thesis. All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1970. (In Russian)

Kufaev, V.I. *Yunye pravonarushiteli* [Young delinquents]. Moscow: Novaya Moskva, 1924. (In Russian)

Kuskova, E.D. “Besprizornaya Rus” [Homeless Russia]. *Sovremennye zapiski*, no. 38 (1929): 527–38. (In Russian)

Maslova, O.B. *Likvidatsiya massovoi detskoj besprizornosti v Sovetskoj Rossii v 1920-e gody (na materialakh Stavropol'ya i Tereka)* [Elimination of mass juvenile homelessness in Soviet Russia in the 1920s (based on the materials from Stavropol and Terek)]. PhD thesis. Pyatigorsk State Technological University, 2010. (In Russian)

Materialy ko vtoromu Vserossiiskomu s"ezdu sotsial'no-pravovoi okhrany detei i podrostkov i detskikh domov 26 noyabrya 1924 g. [Materials for the Second All-Russian Congress for Social and Legal Protection of Children and Adolescents and Children's Homes on November 26, 1924]. Moscow: [n.p.], 1924. (In Russian)

Pervyi Vserossiiskii s"ezd po okhrane detstva 2–8 fevralya 1919 g. [First All-Russian Congress for Child Welfare on February 2–8, 1919]. Moscow: NKSO, 1920. (In Russian)

Poznyshev, S.V. *Detskaya besprizornost' i mery bor'by s nei* [Juvenile homelessness and measures to combat it]. Moscow: Novaya Moskva, 1926. (In Russian)

Pundyakov, A.S. “Sotsial'no-pedagogicheskaya zashchita detei-sirot i besprizornikov na Vologodchine v 1920–1930-e gg.” [Social and pedagogical protection of orphans and homeless children in Vologda oblast in the 1920s – 1930s]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i arkheologiya*, vol. 1, no. 2 (2011): 128–31. (In Russian)

Rozhkov, A.Yu. “Bor'ba s besprizornost'yu v pervoe sovetskoe desyatiletie” [Fighting homelessness in the first Soviet decade]. *Voprosy istorii*, no. 11. (2000): 134–39. (In Russian)

Ryabinina, N.V. “Moral'no defektivnye – kto oni? K istorii detskoj besprizornosti i prestupnosti v 1920-e gody” [The morally defective – who are they? On the history of juvenile homelessness and delinquency in the 1920s]. In *Vek nyneshnii, vek minuvshii: sbornik* [The present century, the past century: a collection], 56–65. Yaroslavl: YarGU, 1999. (In Russian)

Sazhina, I.S. *Deyatel'nost' gosudarstva i obshchestvennykh organizatsii po likvidatsii detskoj besprizornosti v 1921–1928 gg.: Na materialakh Urala* [The activities of the state and public organizations to eliminate juvenile homelessness in 1921–1928: Based on the materials from the Urals]. PhD thesis. Gorky Ural State University, 2003. (In Russian)

Shcherbinin, P.P., and I.A. Shkunova. “‘Ty defektivnyi ili amoral'nyi?’. Problemy selektsii i sotsializatsii ‘moral'no-defektivnykh’ detei v 20-e gg. XX veka v sovetskoj Rossii: regional'nye aspekty [‘Are you mentally defective or immoral?’ Problems of selection and socialization of ‘morally handicapped’ children in the 1920s in Soviet Russia: regional aspects]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 24, no. 181 (2019): 173–84. (In Russian)

Shilova, O.M., and A.S. Pundyakov. “Regional'nye usloviya razvitiya praktiki sotsial'no-pedagogicheskogo obespecheniya detei v 20-e gody XX veka v Vologodskoi gubernii” [Regional conditions of the development of practices in social and pedagogical child support in Vologda Governorate in the 1920s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, vol. 15, no. 1 (2013): 259–62. (In Russian)

Shveitser, V.L., and S.M. Shabalov, eds. *Besprizornye v trudovykh kommunakh. Praktika raboty s trudnymi det'mi: sbornik statei i materialov* [The homeless in labor communes. Practice of working with difficult children: a collection of articles and materials]. Moscow: Glavsotsvos; Narkompros, 1925. (In Russian)

Slavko, A.A. *Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii kontsa 1920-kh – nachala 1950-kh godov: sotsial'nyi portret, prichiny, formy bor'by* [Juvenile homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: a social portrait, causes, forms of combat]. Doctoral thesis. Samara State University, 2011. (In Russian)

Smirnova, T.M. “Detskie doma i trudkolonii: zhizn' ‘gosudarstvennykh detei’ v Sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gg.” [Children’s homes and labor colonies: the life of “state children” in Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii*, no. 3 (2012): 16–38. (In Russian)

Smirnova, T.M. *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of the Soviet country: from the state policy to the realities of everyday life. 1917–1940]. Moscow; St Petersburg: IRI RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. (In Russian)

Sycheva, N.S. “Stanovlenie i funkcionirovanie osnovnykh tipov uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdenii dlya besprizornykh detei i podrostkov v 1920-e gody (arkhivnye materialy Dona)” [Formation and functioning of the main types of educational institutions for homeless children and adolescents in the 1920s (archival materials of the Don)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 2 (2013): 59–66. (In Russian)

Vilenskii, S.S., et al., comps. *Deti GULAGA, 1918–1956* [Children of the GULAG, 1918–1956]. Moscow: MFD, 2002. (In Russian)

Weitz, S. *Verwahrlosung, Delinquenz und Resozialisierung minderjähriger in der Sowjetunion: Zur Geschichte eines sozialpädagogischen Problems, dargestellt am Beispiel der Russischen Sowjetrepublik, 1917–1935*. Marburg a. d. Lahn: Verlags- und Vertriebsgemeinschaft, 1978.

Zenzinov, V.M. *Besprizornye* [The Homeless]. Paris: Sovremennye zapiski, 1929. (In Russian)

Zharkova, A.A. *Istoricheskii opyt bor'by s besprizornost'yu i pravonarusheniyami nesovershennoletnikh na Dal'nem Vostoke Rossii: 20-e–30-e gg. XX veka* [Historical experience of combating homelessness and juvenile delinquency in the Russian Far East: the 1920s – 1930s]. PhD thesis. Far Eastern State University of Humanities, 2006. (In Russian)

Информация об авторе

Надежда Алексеевна Белова – доцент кафедры философии и истории, кандидат исторических наук; nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (160026 Россия, Вологда, ул. Щетинина, 2)

Information about the author

Nadezhda A. Belova – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and History; nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, ul. Shchetinina, Vologda, Russia, 160026)

Статья поступила в редакцию 28.06.2021; одобрена после рецензирования 24.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.

The article was submitted 28.06.2021; approved after reviewing 24.08.2021; accepted for publication 30.08.2021.